

N. №.

Таблица № 1. О. Казань

M. M.

For the use of the
Library of the
University of Cambridge

ВОЙНАРОВСКІЙ.

СОЧИНЕНІЕ

К. РЫЛѢВА.

МОСКВА.

1825.

р-1
Р-95

ВОЙНАРОВСКІЙ.

СОЧИНЕНІЕ

К. РЫЛѢВА.

..... Nessun maggior dolore
che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria.

Dante.

Резюме
КНИЖ

БИБЛИОТЕКА

В. Г. ЕЗАНШЕВЫХЪ

Москва.

1917

391, томъ

Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1825.

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ
г. СВЕРДЛОВСК

Р. 1

0

Печаташе позволяешся съ шѣмъ, чшобы по
напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, пред-
спавлены были въ Цензурный Комишешъ: одинъ
экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комишеша,
другой для Депаршамента Минисперспва Народ-
наго Просвѣщенія, два экземпляра для Импера-
торской Публичной Вибліотеки и одинъ для Им-
ператорской Академіи Наукъ. Москва, 1825 года
Генваря 8 дня. Сію рукопись разсмашриваль
Экспра - Ординарный Профессоръ, Надворный
Совѣшникъ

Николай Бекетовъ.

А. А. БЕСТУЖЕВУ.

Какъ странникъ грустной, одинокой,
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край съ шоской глубокой
Бродилъ я въ мірѣ сиротой.
Ужъ къ людямъ холодъ ненавистной
Примѣнно въ душу проникалъ,
И я въ безуміи дерзалъ
Не вѣришь дружбѣ безкорыстной.
Незапно ты явился мнѣ:
Повязка съ глазъ моихъ упала;
Я разувѣрился вполнѣ,
И вновь въ небесной вышинѣ
Звѣзда надежды засіяла.

Примижъ плоды трудовъ моихъ,
Плоды безпечнаго досуга;
Я знаю, другъ, ты примешь ихъ
Со всей заботливостью друга.
Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства:
За то найдешь живыя чувства;
Я не Поэтъ, а Гражданинъ.

Можетъ быть Читатели удивятся противуположности характера Мазепы, введеннаго поэтомъ и изображеннаго историкомъ. Считаемъ за нужное напомнить, что въ Поэмѣ самъ Мазепа описываетъ свое состояніе и представляетъ оное, можетъ быть, въ лучшихъ краскахъ; но немолчаливое потомство и справедливые историки являютъ его въ настоящемъ видѣ: и могло ли быть иначе? . . . Для исполненія своихъ самолюбивыхъ видовъ онъ употреблялъ всѣ средства убѣжденія.—Желая склонить Войнаровскаго, своего племянника, онъ прельщалъ его краснорѣчивыми разсказами и завлекъ его по неопытности въ войну противъ Великаго Государя — но истина восторжествовала, и Провидѣніе наказало пзмѣнника.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ МАЗЕПЫ.

Мазепа принадлежишъ къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ въ Россійской Исторіи XVIII столѣтія. Мѣсто рожденія и первые годы его жизни покрыты мракомъ неизвѣстности. Достоверно только, что онъ провелъ молодость свою при Варшавскомъ Дворѣ, находился пажемъ у Короля Іоанна Казимира, и тамъ образовался среди опборнаго Польскаго юношества. Несчастныя обстоятельство, до сихъ поръ еще не объясненныя, заставили его бѣжать изъ Польши. Исторія представляетъ намъ его въ первый разъ въ 1674 году главнымъ соучастникомъ Дорошенки, который,

VIII

подъ покровительствомъ Польши , правилъ землями , лежавшими по правой сторонѣ Днѣпра. Московскій Дворъ рѣшился присоединить въ то время сіи спраны къ своей Державѣ. Мазепа , попавшись въ плѣнъ при самомъ началѣ войны съ Дорошенкомъ , совѣтами прошивъ бывшаго своего начальника много способствовалъ успѣху сего предпріятія и оспался въ службѣ у Самойловича , Гетмана Малороссійской Украины. Самойловичъ , замѣтивъ въ немъ хитрый умъ и пронырство , увлеченный его краснорѣчіемъ , употреблялъ его въ переговорахъ съ Царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ , съ Крымскимъ Ханомъ и съ Поляками. Въ Москвѣ Мазепа вошелъ въ связи съ первыми боярами Царскаго Двора и послѣ неудачнаго похода любимца Софіи Князя Василья Васильевича Голицына въ Крымъ въ 1687 году , чѣмъ обоклонишь опившись венность опъ сего Вельможи , онъ приписалъ

неуспѣхъ сей войны благодѣшело
своему Самойловичу, ошправилъ о
семъ доносъ къ Царямъ Іоанну и
Петру, и въ награду за сей поступокъ
былъ, по проискавъ Голицына,
возведенъ въ званіе Гешмана обѣихъ
Украинъ.

Между тѣмъ война съ Крымцами
не ушавала: походъ 1688 года былъ
еще неудачнѣе прошлагодняго; здѣсь
въ то время произошла перемѣна въ
правленіи. Владычесшво Софіи и ея
любимца кончилось, и власшь пере-
шла въ руки Петра. Мазепа, опасаясь
раздѣлишь несчастную участь
съ Вельможею, копорому онъ обя-
занъ былъ своимъ возвышеніемъ,
рѣшился объявишь себя на сторонѣ
юнаго Государя, обвинилъ Голицы-
на въ лихоимствѣ и осшался Геш-
маномъ.

Ушвержденный въ семъ достоин-
ствѣ, Мазепа всячески спарался
снискашь благоволеніе Россійскаго
Монарха. Онъ учасшвовалъ въ Азов-

скомъ походѣ; во время пушешествія Петра по чужимъ краямъ счастливо воевалъ съ Крымцами, и одинъ изъ первыхъ совѣщивалъ разорвать миръ съ Шведами. Въ словахъ и поступкахъ онъ казался самымъ ревностнымъ поборникомъ выгодъ Россіи, извѣщалъ совершенное покорство волѣ Петра, предупреждалъ Его желанія, и въ 1701 году, когда Буджацкіе и Бѣлгородскіе Татары просили его о принятіи ихъ въ покровительство согласно съ древними обычаями казаковъ: прежнія козацкія обыкновенія миновались, ошвѣчалъ онъ депушамъ; Гешманы ничего не дѣлають безъ повелѣнія Государя. Въ письмахъ къ Царю Мазепа говорилъ про себя, что онъ одинъ, и что всѣ окружающіе его недоброжелательствуютъ Россіи, просилъ, чтобы дославили ему случай показать свою вѣрность, позволивъ участвовать въ войнѣ противъ Шведовъ, и въ 1704 году,

послѣ похода въ Галицію, жаловался, что Король Августъ держалъ его въ бездѣйствіи, не далъ ему способъ къ оказанію важныхъ услугъ Рускому Царю. — Петръ, плѣненный его умомъ, познаніями, и довольный его службою, благоволилъ къ Гепману особеннымъ образомъ. Онъ имѣлъ къ нему неограниченную довѣренность, осыпалъ его милостями, сообщалъ ему самыя важныя тайны, слушалъ его совѣщанія. Случалось ли, что недовольные, жалуясь на Гепмана, обвиняли его въ измѣнѣ, Государь велѣлъ опсылать ихъ въ Малороссію и судить какъ ябедниковъ, осмѣлившихся поносить достойнаго повелителя казаковъ. Еще въ концѣ 1705 года Мазепа писалъ къ Головину: никогда не опшоргнусь отъ службы премилосердѣйшаго моего Государя. Въ началѣ 1706 года былъ онъ уже измѣнникъ.

Нѣсколько разъ уже Станиславъ Лещинскій подсылалъ къ Мазепѣ по-

вѣренныхъ своихъ съ пышными обѣщаніями и убѣжденіями, преклонившися на его сторону: но послѣдній опшылъ всегда сіи предложенія Петру. Замысливъ измѣну, повелѣлъ Малороссіи почувствовать необходимость припворсѣва. Ненавидя Россіянъ въ душѣ, онъ вдругъ началъ обходиться съ ними самымъ привѣшливымъ образомъ; въ письмахъ своихъ къ Государю увѣрялъ онъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, въ своей преданности, а между тѣмъ пошасными средствами раздувалъ между козаками неудовольствіе прошивъ Россіи. Подъ предлогомъ, что козаки ропщутъ на тягости, понесенныя ими въ прошлыхъ походахъ и въ крѣпостныхъ работахъ, онъ распустилъ войско, вывелъ изъ крѣпостей гарнизоны и спалъ укрѣпленія Башуринъ; самъ Мазепа припворился больнымъ, слегъ въ постель, окружилъ себя докторами, не вставалъ съ одра по нѣскольку

дней сряду, не могъ ни ходишь, ни спояшь, и въ то время, какъ всѣ полагали его близкимъ ко гробу, онъ приводилъ въ дѣйствіе свои намѣренія: переписывался съ Карломъ XII и Лещинскимъ, велъ по ночамъ переговоры съ присланнымъ онъ Спанислава Іезуитомъ Зеленскимъ о томъ, на какихъ основаніяхъ здасть Малороссію Полякамъ, и отправлялъ тайныхъ агентовъ къ Запорожцамъ съ разглашеніями, что Петръ намѣренъ испребишь Сѣчу и чтобы они готовились къ сопротивленію. Гетманъ еще болѣе началъ припворяться по вступленіи Карла въ Россію. Въ 1708 году болѣзнь его усилилась. Тайныя пересылки съ Шведскимъ Королемъ и письма къ Петру сдѣлались чаще. Карла умолялъ онъ о скорѣйшемъ прибытіи въ Малороссію и избавленіи его отъ ига Рускихъ, и въ то же время писалъ къ Графу Гаврилъ Ивановичу Головкину, что ни какія прелести

не могушъ ошпоргнушъ его ошъ высокодержавной руки Царя Русскаго и поколебашъ недвижимой его вѣрности. Между шѣмъ Шведы были разбины при Добромъ и Лѣсномъ, и Карлъ обратился въ Украину. Петръ повелѣлъ Гешману слѣдовать къ Киеву и съ той стороны напасть на неприятельскій обозъ; но Мазепа не двигался изъ Борзны; припворныя спраданаія его часъ ошъ часу усиливались; 22 Октябрю 1708 писалъ онъ еще къ Графу Головкину: что онъ не можешъ ворочаться безъ пособія своихъ слугъ, болѣе 10 дней не упошребляешъ пищи, лишенъ сна и гошовясь умерешъ, уже соборовался масломъ, а 29, явившись въ Горкахъ съ 5000 козаковъ, положилъ къ спопамъ Карла XII булаву и бунчукъ въ знакъ подданства и вѣрности.

Что побудило Мазепу къ измѣнѣ? ненависъ ли его къ Рускимъ, полученная имъ еще въ дѣтствѣ во время

его пребыванія при Польскомъ Дворѣ? любовная ли связь съ одною изъ род-
ственницъ Спанислава Лещинска-
го, которая принудила его перейти
на сторону сего Короля? или, какъ
нѣкоторые полагаютъ, любовь къ
Опеческву, внушившая ему неумѣ-
стное опасеніе, что Малороссія,
оставшись подъ владычествомъ Рус-
скаго Царя, лишится правъ своихъ?
но въ современныхъ актахъ ея не
вижу въ поступкѣ Гешмана Мало-
россіи сего возвышеннаго чувства,
предполагающаго отверженіе отъ
личныхъ выгодъ и пожертвованіе
собою пользъ согражданъ. Мазепа въ
универсалахъ и письмахъ своихъ къ
козакамъ клялся самыми священны-
ми именами, что дѣйствуетъ для
ихъ блага; но въ тайномъ договорѣ
съ Спаниславомъ отдавалъ Польшѣ
Малороссію и Смоленскъ съ тѣмъ,
чтобъ его признали владѣтельнымъ
Княземъ Полоцкимъ и Вишебскимъ.
Низкое мелочное честолюбіе привело

его къ измѣнѣ. Благо козаковъ служило ему средствомъ къ умноженію числа своихъ соумышленниковъ и предлогомъ для скрытія своего вѣроломства, и могъ ли онъ, воспитанный въ чужбинѣ, уже два раза опятъ навѣсивъ себя предательствомъ, двигаться благороднымъ чувствомъ любви къ родинѣ?

Генеральный Судья Василій Кочубей былъ давно уже въ несогласіи съ Мазепою. Ненависть его къ Гепману усилилась съ 1704 года послѣ того, какъ сей послѣдній во зло употребляя власть свою, обольстилъ дочь Кочубея, и смѣясь надъ жалобами родителей, продолжалъ съ нею виновную связь. Кочубей поклялся опомснить Мазепѣ; узнавъ о преступныхъ его замыслахъ, можетъ быть движимый усердіемъ къ Царю, рѣшился открыть ихъ Петру. Согласившись съ Полтавскимъ Полковникомъ Искрою, они отправили

доносъ свой въ Москву, а вскорѣ по-
шомъ и сами шуда явились: но
двадцатилѣтняя вѣрность Мазепы
и шестдесять чешыре года жизни
опдаляли опъ него всякое подозрѣ-
ніе. Петръ, приписывая поступокъ
Кочубея и Искры личной ненависти
на Гешмана, велѣлъ опослать ихъ
въ Малороссію, гдѣ сіи несчастные,
показавъ подъ пышкою, чшо ихъ
показанія ложны, были казнены 14
Іюля 1708 года въ Борщаговкѣ, въ 8
миляхъ опъ Бѣлой Церкви.

А. К.

ВОЙНАРОВСКАГО.

Андрей Войнаровскій былъ сынъ родной сестры Мазепы, но объ его ошцѣ и дѣшствѣ нѣшв никакихъ вѣрныхъ свѣденій. Знаемъ только, что бездѣшный Гешманъ, провидя въ племянникѣ своемъ дарованія, объявилъ его своимъ наслѣдникомъ и послалъ учить въ Германію наукамъ и языкамъ иностраннымъ. Обвѣхавъ Европу, онъ возвратился домой, обогативъ разумъ познаніемъ людей и вещей. Въ 1705 году Войнаровскій посланъ былъ на службу Царскую. Мазепа поручилъ его тогда особому покровишельству Графа Головина; а въ 1707 году мы уже встрѣчаемъ его Ашаманомъ пятиптысячнаго опрѣда, посланнаго Ма-

зепою подѣ Люблинѣ въ усиленіе
 Меньщикова, откуда и возвратился
 онѣ осенью тогоже года. Учаспникѣ
 шайныхѣ замысловѣ своего дяди,
 Войнаровскій въ рѣшительную ми-
 нушу впаденія Карла XII въ Украи-
 ну, отправился къ Менщикову, чпо-
 бы извинишь медленность Гешмана
 и заслонишь его поведеніе. Но Мен-
 щиковѣ уже былѣ разочарованѣ: со-
 мнѣнія обѣ измѣнѣ Мазепы превра-
 щались въ вѣроянія, и вѣроянія
 склонились къ достовѣрности —
 рассказы Войнаровскаго оспались
 вшунѣ. Видя, чшо каждый часѣ ум-
 ножаешся опасность его положенія,
 не принося никакой пользы его спо-
 ронѣ, онѣ тайно отпрахалъ къ вой-
 ску. Мазепа еще припворспвовалѣ:
 показалѣ видѣ, будшо разгнѣвался
 на племянника, и чшобы удалишь
 отпра себя шягоспнаго нажидашеля
 Полковника Пропасова, упротилѣ
 его изходашайспвовашъ лично у
 Меньщикова прощеніе Войнаровско-

му за то, что потѣ уѣхалъ не про-
спяся. Протасовъ дался въ обманъ
и оставилъ Гешмана, казалось, умира-
ющаго. Явная измѣна Мазепы и
прилученіе части Казацкаго войска
къ Карлу XII послѣдовали за симъ
немедленно, и ошѣ сихъ поръ судьба
Войнаровскаго была нераздѣльна
съ судьбою сего славнаго измѣнника
и вѣнценоснаго рыцаря, который
не разъ посылалъ его изъ Бендеръ къ
Хану Крымскому и Турецкому Дво-
ру, чтобы воспановишь ихъ про-
шиву Россіи. Станиславъ Лещин-
скій нарекъ Войнаровскаго Корен-
нымъ Воеводою Царства Польскаго,
а Карлъ далъ ему чинъ Полковника
Шведскихъ войскъ, и по смерти
Мазепы назначилъ Гешманомъ обѣ-
ихъ сторонъ Днѣпра. Однакожъ
Войнаровскій потерялъ блестящую
и вѣрную надежду бысть Гешма-
номъ всей Малороссіи, ибо намѣреніе
дяди и желаніе его друзей призы-
вали его въ преемники сего достоин-

спва, опклонилъ опъ себя безземельное Гепмансшво, на которое осудили его одни бѣглецы, и даже опкупился опъ онаго, придавъ Орлику 3000 червонныхъ къ имени Гепмана и заплашивъ Кошевому 200 червонцевъ за склоненіе козаковъ на сей выборъ. Наслѣдовавъ послѣ дяди знашное количесшво денегъ и драгоценныхъ каменьевъ, Войнаровскийъ приѣхалъ изъ Турціи и спалъ очень роскошно жишъ въ Вѣнѣ, въ Бреславль и въ Гамбургѣ. Его образованность и богатсшво ввели его въ самый блестящій кругъ Дворовъ Германскихъ, и его ловкость, любезность доставили ему знакомсшво (кажешся весьма двусмысленное) съ славною Графинею Кенигсмаркъ, любовницею прошивника его Короля Августа, маперью Графа Морица де Саксъ. — Между шѣмъ какъ счастье ласкало пакъ Войнаровскаго забавами и дарами, судьба готовила для него свои перуны. Намѣре-

ваясь опшравившся въ Швецію для
 полученія св Карла заняшыхъ имъ у
 Мазепы 240,000 шалеровъ, онъ при-
 ѣхалъ въ 1716 году въ Гамбургъ, гдѣ
 и былъ схваченъ на улицѣ Маги-
 страпомъ по пребыванію Россійска-
 го Резиденша Бешпахера. Однакожъ,
 въ слѣдствіе пропеспаціи Вѣнска-
 го Двора, по правамъ неупралише-
 ша, опшравленіе его изъ Гамбурга
 длилось долго, и лишь собсшвенная
 рѣшимость Войнаровскаго, опдашь-
 ся милосши Петра I, предала его во
 власъ Русскихъ. Онъ предспавился
 Государю въ день именинъ Импе-
 ратрицы, и ея засшупленіе спасло
 его опъ казни. Войнаровскій былъ
 сосланъ со всѣмъ семейсшвомъ въ
 Якушскъ, гдѣ и кончилъ жизнь свою,
 но когда и какъ, неизвѣспно. Мил-
 леръ, въ бышность свою въ Сибири
 въ 1736 и 1737 годахъ, видѣлъ его въ
 Якушскѣ, но уже одичавшаго и по-
 чши забывшаго иносшранные языки
 и свѣпское обхожденіе.

Такова была жизнь Войнаровскаго, и нравъ его виденъ въ дѣлахъ. Онъ былъ опваженъ, ибо Мазепа не ввѣрилъ бы ему многочисленнаго опряда людей независимыхъ, у коихъ однѣ личныя достоинства могли скрѣплять власъ; краснорѣчивъ, что доказывающъ порученія опъ Карла XII и Мазепы; рѣшительнъ и неуклончивъ, какъ это видно изъ размовки его съ Меншиковымъ; наконецъ ловокъ и обходительнъ, ибо щеславіе не нарекло бы его въ Вѣнѣ Графомъ (*), если бы любезной дикарь сей не имѣлъ понюски свѣтской; однимъ словомъ, Войнаровскій принадлежалъ къ числу тѣхъ не многихъ людей, которыхъ Великій Петръ почтилъ именемъ опасныхъ враговъ. Безъ сомнѣнія Войнаровскій, одаренный сильнымъ характеромъ, которому случай далъ развернуть въ такую славную

(*) Въ Вѣнѣ называли его Графомъ.

эпоху, принадлежѣтъ къ числу любопытнѣйшихъ лицъ прошлаго вѣка — лицъ, равно присвоенныхъ Исторіи и Поэзіи, ибо превращенность судьбы его предупредила всѣ вымыслы романщика.

А. Б.

ВОЙНАРОВСКІЙ,

Поэма.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ странѣ мяселей и сѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ
И юрѣтъ бревенчатая стѣна.
Кругомъ сосновый чащоголъ
Поднялся изъ сѣговъ глубокѣхъ,
И съ гордостью на дикій долъ
Глядитъ верхи церквей высокѣхъ;
Вдали шумѣтъ дремучій боръ,
Бѣлѣютъ сѣжныя равнины,
И тянутся кремнистыхъ горъ
Разнообразныя вершины.

Всегда сурова и дика
 Сихъ странъ угрюмая природа;
 Ревешъ сердишая рѣка,
 Бушуешъ часто непогода,
 И часто мрачны облака....

Никшо страны сей безошрадной,
 Обширной узниковъ шюрмы,
 Не посѣишь, боясь зимы
 И продолжительной и холодной.
 Однообразно дни ведешъ
 Якушка жишель одичалой;
 Лишь разъ иль дважды въ круглый годъ
 Съ толпой пресшупниковъ усталой,
 Дружина воиновъ придетъ;
 Иль за Якушскими мѣхами,
 Изъ ближнихъ и далекихъ странъ,
 Приходишь съ Рускими купцами
 Въ забытый городъ караванъ.
 На мигъ въ то время оживишь
 Якушскъ унылой и глухой;
 Все зашумишь, засуешишь,
 Народы разные толпой:
 Якушъ и Юкагиръ пустынной,

Неся богатый свой ясакъ ²,
 Лѣсной Тунгузъ, и съ пикой длинной
 Сибирской сшроевой Козакъ.

Тогда зима на мигъ единый
 Отъ мѣстъ угрюмыхъ отлешитъ;
 Безмолвный лѣсъ заговоритъ,
 И чрезъ зеленя долины
 По камнямъ Лена зашумитъ.
 Такъ посѣщаетъ въ подземельѣ,
 Почти убишаго шоской,
 Спрадальца-узника порой
 Души минушное веселье.
 Такъ въ душу мрачную влѣтитъ,
 Подъ часъ, спокойствіе ошибкой
 И принужденною улыбкой
 Чело злодѣя прояснитъ.....

Но кто украдкою изъ дому,
 Въ шуманъ раннею порой,
 Идетъ по берегу крушому
 Съ виншовкой длинной за спиной;
 Въ полукафшанѣ, въ шапкѣ черной,
 И перешагнетъ кушакомъ,

Какъ спрашъ Дибира Козакъ проверной
 Въ своемъ нарядѣ боевомъ?
 Взоръ безпокойный и угрюмый,
 Въ чертахъ суровость и шоска,
 И на челѣ его слегка
 Тревожныя рисуешъ думы
 Судьбы враждующей рука.
 Вошъ къ западу просшеръ онъ руки;
 Въ глазахъ вдругъ пламень засверкалъ,
 И съ видомъ несстерпимой муки,
 Въ волненѣ сильномъ онъ сказалъ:

„О край родной! поля родныя!
 Миѣ васъ ужъ болѣ не видашь;
 Васъ, гробы праощевъ свяшые,
 Изгнанику не обнимаешь.

„Горишь напрасно пламень пылкій
 Я не могу полезнымъ бышь:
 Средь дальнѣ и позорнѣ ссыленіи
 Миѣ суждено въ шоскѣ изнышь.

„О край родной! поля родныя!
 Миѣ васъ ужъ болѣ не видашь;
 Васъ, гробы праощевъ свяшые,
 Изгнанику не обнимаешь.“—

Сказалъ; пошелъ по носогору;
 Едва примѣшною шропой
 Поверошилъ къ сырому бору,
 И вошъ изчезъ въ глуши лѣсной.
 Кшо ссыльный сей, никто не знаетъ;
 Давно въ страну изгнанья онъ,
 Молва народная вѣщаетъ,
 Въ кибицѣ крышой привезѣнъ.
 Улыбки не видашь привѣшной
 На незнакомцѣ никогда,
 И посѣдѣли ужъ примѣшно
 Его и усъ и борода.
 Онъ не Варнакъ ³; смотри: не видно
 Печаши роковой на немъ,
 Для челоуѣчества посыдной,
 Въ чело вилейменной палачемъ.
 Но видъ его суровѣй вдвое,
 Чѣмъ дикій видъ чела съ клеймомъ;
 Покоенъ онъ: но такъ въ покоѣ
 Байкаль ⁴ предъ бурей мрачнымъ днѣмъ.
 Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
 Когда за тучей мѣсяцъ спитъ,
 Могильный огонекъ горитъ—
 Такъ незнакомца блещутъ очи.

Всегда дичишься и молчишь,
 Одишь, какъ отчужденный, бродишь,
 Ни съ кѣмъ знакомства не заводишь,
 На всѣхъ сурово онъ глядишь....

Въ странѣ той холодной и дубравной
 Въ то время жилъ нашъ Миллеръ ⁵ славной;
 Въ урномъ домикѣ, въ тиши,
 Работалъ для вѣковъ въ глуши,
 Съ судьбой боролся своенравной
 И жажду ушоялъ души.
 Изъ родины своей далекой
 Въ сей край пустынной завлеченъ
 Къ познаньямъ спрассію высокой,
 Здѣсь наблюдалъ природу онъ.
 Въ часы суровой непогоды
 Любилъ рассказы стариковъ
 Про Ермака и Козаковъ,
 Про ихъ отважные походы
 По царству хлада и сибговъ;
 Какъ часомъ, вышедши изъ дому,
 Бродилъ по цѣлымъ онъ часамъ
 По океану сибговому,
 Или по дебрямъ и горамъ.

Слѣдилъ, какъ солнце яркій пламень
 Разливъ по шверди голубой,
 На мигъ за Кангалацкій камень
 Уходитъ лѣшнею порой.
 Все для пришельца было ново:
 Природы дикой красоша,
 Климатъ жестокой и суровой,
 И дикихъ нравовъ простота.

Однажды онъ въ морозъ прескучій
 Оленя гнавъ съ Сибирскимъ псомъ,
 Вбѣжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дремучій —
 И мракъ, и шишина кругомъ!
 Повсюду сосны вѣковыя,
 Иль кедры въ нѣмъ сѣдомъ;
 Сплелися вѣтви ихъ густыя
 Непроницаемымъ шашромъ.
 Не видно изъ лѣсу дороги...
 Чрезъ хворостъ, кочки и сѣнга
 Олень несется быстроногій,
 Закинувъ на спину рога,
 Вдали межъ соснами мелькаетъ,
 Летитъ.... вдругъ выстрѣлъ!.. быстрый

Олень внезапно прерываетъ . . .
 Вотъ зашатался — и на свѣгъ
 Окровавленный упадаетъ.
 Смущенный Миллеръ робкій взоръ
 Туда, гдѣ палъ олень, бросаешь
 Сквозь чащу, вѣшью, дичь и боръ,
 И зришь: къ оленю подбѣгаетъ
 Съ винтовкой длинною въ рукѣ,
 Окушанный дахою ⁶ черной,
 И въ длинношерстномъ чебакѣ ⁷,
 Охотникъ ловкой и проворной. . .

То ссыльный былъ. Угрюмый взглядъ,
 Вооруженье и нарядъ,
 И незнакомца видъ унылой,
 Все душу спранника спростило. .
 Но шепеща въ глуши лѣсной
 Блуждашь одинъ, пушей не зная,
 Преодолевъ онъ ужасъ свой
 И быстрой полетѣлъ стрѣлой,
 Бѣгъ къ незнакомцу направляя.
 „Ктобъ ни былъ ты, онъ такъ сказалъ,
 Будь мнѣ вожаемымъ, ради Бога;
 Гнавъ звѣря, я съ тропы сбѣжалъ

И въ глушь нечаянно попалъ;
 Скажи, гдѣ на Якускѣ дорога?»—
 „Она ошалась за шобой,
 За часъ отсюда, въ ближнемъ долѣ;
 Кругомъ все дичь и лѣсъ густой,
 И вращь ли до ночи глухой
 Успѣшь выбратъся ты въ поле;
 Уже вечерняя пора. . .
 Но мы въ близи заимки ⁸ свудной:
 Пойдемъ—шамъ въ юрщъ до ушра
 Ты отдохнешь съ охоты шрудной.»—

Они пошли. Все глуше лѣсъ,
 Все рѣже виденъ сводъ небесъ. . .
 Погасло дневное свѣтило;
 Насшла ночь . . . Вошъ мѣсяцъ всплылъ
 И одинокой и унылой,
 Дремучій лѣсъ осеребрилъ,
 И юршу пушникамъ открылъ.
 Пришли—и ссыльный шоропливо
 Вошедъ въ угрюмый свой пріющъ,
 Вдругъ засшучалъ временно въ огниво,
 И искры сыпались на шрущъ,
 Мранъ освѣщая молчаливой,

И каждый въ сталь ударъ кремня,
 Въ'углу обилии пусынной
 То дуло озарялъ ружья,
 То ратовище пальмы ⁹ длинной,
 То саблю, шо конецъ копья.
 Глазъ съ незнакомца не спуская,
 Близъ двери Миллеръ передъ нимъ,
 Въ душѣ невольный страхъ скрывая,
 Стоишь и нѣмъ и недвижимъ.....
 Вотъ вздувъ огонь, пришлецъ суровый
 Проворно жирникъ ¹⁰ засвѣшилъ,
 Скамью придвинулъ, столъ сосновый
 Простою скамершю накрывъ,
 И съ лаской гостя посадилъ.
 И вотъ за шрапезою сытной,
 Въ хозяина вперяя взоръ,
 Заводишь странникъ любопытной
 Съ нимъ о Сибири разговоръ.
 Въ какоежъ Миллеръ удивленье
 Былъ незнакомцемъ приведенъ;
 И кто бы не былъ пораженъ:
 Странъ Европейскихъ просвѣщенъ
 Въ лѣсахъ Сибирскихъ встрѣтилъ онъ!
 Покинувъ родину, съ тоскою

Два года Миллеръ, какъ чужой,
 Бродилъ бездомнымъ сиротою
 Въ сираниъ забышой и глухой.
 Но тушъ, въ пущынѣ отдаленной,
 Онъ неожиданно, въ глуши,
 Впервые могъ шосу души
 Ошвестъ бесѣдой просвѣщенной.
 При строгой важности лица,
 Слова, высокихъ мыслей полны,
 Изъ устъ сѣдаго пришлеца,
 Въ избыткѣ чувствъ текли, какъ волны.
 Въ бесѣдѣ долгой и живой
 Глаза у обоихъ сверкали;
 Они другъ друга понимали;
 И, какъ друзья, въ глуши лѣсной
 Взаимно души открывали.
 Ушальный спранникъ позабылъ
 И поздній часъ и сонъ отрадный,
 И слушашъ незнакомца жадный,
 Казалось, весь вниманье былъ.

»Ты знашь желашъ, добрый спран-
 никъ,

Кшо я, и какъ сюда попалъ?—

Такъ незнакомецъ продолжалъ, —
 Того до сей поры изгнанный
 Здѣсь никому не повѣрялъ.
 Иныхъ здѣсь чувствъ и мнѣній люди:
 Они не понялибъ меня,
 И повѣсть мрачная моя
 Не взволновала бы ихъ груди.
 Тебѣ же тайну ввѣрю я
 И чувства сердца обнаружу;
 Ты въ роднѣ, какъ должно мужу,
 Наукой просвѣшилъ себя.
 Ты все поймешь, шы все оцѣнишь,
 И несчастливцу не измѣнишь....

„Дивись же странникъ молодой,
 Какъ гонимъ смертныхъ рокъ свирѣпый:
 Въ одеждѣ дикой и простой,
 Узнай—сидишь передъ шобой
 И другъ, и родственникъ Мазепы! ¹¹
 Я Войнаровский. Обо мнѣ
 И о судьбѣ моей жестокой
 Ты, можешь быть, въ родной странѣ
 Слыхалъ не разъ, съ шоской глубокой....
 Ты видишь: дикъ я и угрюмъ,

Брожу, какъ ошовъ, очи впади,
 И на челъ бразды печали,
 Какъ оппечашовъ шаживихъ думъ,
 Ссрадалъцу видъ суровой дали.
 Между лбсовъ и грозныхъ скалъ,
 Какъ вбчиный узникъ безошраденъ,
 Я одрахлблъ, я одичалъ,
 И какъ климашъ Сибирскій, спалъ
 Въ своей душъ жесшовъ и хладенъ.
 Ничто меня не веселишъ,
 Любовь и дружество мнб чужды,
 Печаль свинцомъ въ душъ лежишъ,
 Ни до чего нбшъ сердцу нужды.
 Ббгу, какъ недругъ, омъ людей;
 Я не могу снести ихъ вида:
 Ихъ жалось о судьбб моей
 Мнб несштерпимая обида.
 Кшо брошенъ въ дальные снбга
 За дбло честш и ошчизны, (*)
 Тому сноснбе укоризны,
 Чбмб сожалбнне врага.

(*) „Такъ извинлетъ свое преступленіе справед-
 „ливо и милосердо наказанный Войнаровскій.“

И ты печально не гляди,
Не извѣялай мнѣ сожалѣнья,
И шаю жестоко не буди
Въ моей измученной груди
Тоски уснувшей на мгновенье.
Признаюсь, спранный: я бѣ желалъ,
Чтобъ люди узника чуждались,
Чтобъ взглядъ мой душу ихъ смущалъ,
Чтобы меня средь ешихъ скалъ,
Какъ привидѣнія, пугались.
Ахъ! можешь быть, тогда покой
Сдружился бы съ моей душой....
Но зналъ и я, когда-то, радость
И отъ души людей любилъ,
И полной чашею пилъ
Любви и тихой дружбы сладость.
Среди родной моей земли,
На лонѣ счастья и свободы,
Мои младенческіе годы
Ручьемъ игривымъ прошекли;
Какъ легкій сонъ, какъ привидѣнье,
За ними радость на мгновенье,
А вмѣстѣ съ нею суезы,

Война, любовь, печаль, волнение,
И пылкой юности мечшы.

„Врагъ хищныхъ Крымцевъ, врагъ По-
ляковъ ,

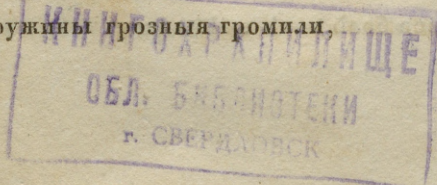
Я часто за Палеемъ ¹² въ слѣдъ,
Съ вашейго ¹³ храбрыхъ Гайдамаковъ ¹⁴
Искалъ иль смерти, иль побѣдъ.

Бывало кони быstroноги
Въ степяхъ и дикихъ и глухихъ,
Гдѣ нѣтъ жилья, гдѣ нѣтъ дороги,
Мчашъ вихремъ всадниковъ лихихъ.

Дыша любовью къ дикой волѣ,
Бодры и веселы безъ сна,
Мы воздухомъ пишались въ полѣ,
И малой горстьюю шолокна ¹⁵.

Въ неопразимые набѣды,
Намъ путь указывали звѣзды,
Иль шумный вѣтеръ, иль курганъ;

И мы, какъ шуча громовая,
Внезапно и отъ разныхъ странъ,
Пустыню воплемъ оглашая,
На вражій набѣжали станъ,
Дружны грозныя громади,

Селенія и грады въ прахъ,
 И въ земли чуждыя вносили
 Опустошеніе и страхъ.
 Враги вездѣ отъ насъ бѣжали,
 И, шрепеща посшydныхъ узъ,
 Посшydной данью покупали.
 У насъ сомнительный союзъ

„Однажды, увлеченъ ошвагой,
 Я съ малочисленной вашагой
 Неустрашимыхъ удалцовъ,
 Ударилъ на шолны враговъ.
 Бой дѣлился до ночи. Поляки
 Уже смѣшались въ рядахъ,
 И строясь далѣ, на холмахъ,
 Намъ уступали поле драки.
 Вдругъ слышимъ Крымцевъ дикій гласъ...
 Поля и сшонушъ и шрасушся...
 Глядимъ—со всѣхъ шпорошъ на насъ
 Толпы враждебныя несущся...
 Въ одно мгновенье шучи шпѣлавъ:
 Въ дружину нашу засвисшали;
 Вошще я устояшь хотѣлавъ:
 Враги все болѣ насъ смѣсняли

И, наконецъ, покинувъ бой,
 Мы степью дикой и пустой
 Разсыпались и побѣжали...
 Погоню слыша за собой,
 И раненый и изнуренный,
 Я на конѣ летѣлъ стрѣлой,
 Спрашася въ плѣнъ попасъ презрѣнный.

»Ужъ Крыма хищные сыны
 За мною гнались перестали;
 За рубежомъ родной сѣраны
 Ужъ хушора ¹⁶ вдали мелькали.
 Ужъ въ нуреняхъ ¹⁷ я зрѣлъ огонь,
 Уже я думалъ— вотъ примчался!
 Какъ вдругъ мой изнуренной конь
 Остановился, зышашался,
 И близь границъ сѣраны родной
 На землю грянулся со мной. . .

»Одинъ, въблизи сѣенной могилы, ¹⁸
 Съ конемъ издохнувшимъ своимъ,
 Подъ сводомъ неба голубымъ
 Лежалъ я мрачный и унылый.
 Кашился градомъ потъ съ чела,

Изъ раны кровь ручьемъ стекла.
 Напрасно помощь призывая,
 Я слабый голосъ подавалъ;
 Въ степи пустынной исчезая,
 Едва родясь, онъ умиралъ.

»Все было тихо. лишь могила
 Уныло съ вѣтромъ говорила ¹⁹.
 И одинока, и блѣдна,
 Плыла двурогая луна
 И озаряла сумракъ ночи.
 Я безъ движенія лежалъ;
 Ужь я, казалось, замиралъ;
 Уже, заглядывая въ очи,
 Надъ мною хищный вранъ лешалъ..... ²⁰
 Вдругъ слышу шорохъ за курганомъ,
 И зрю: покрывая серпиемъ, ²¹
 Нозачка юная стоишь,
 Склоняясь робко надо мною,
 И на меня съ нѣмой шоскою
 И нѣжной жалостью глядишь.

»О незабвенное мгновенье!
 Воспоминанье о тебѣ,

На зло враждующей судьбѣ,
 И здѣсь ссрадалцу упоенье!
 Я не забылъ его съ тѣхъ поръ;
 Я помню сладость первой встрѣчи,
 Я помню ласковыя рѣчи
 И полный состраданья взоръ.
 Я помню радость дѣвы нѣжной,
 Когда ссрадалецъ безнадежной
 Былъ подъ хранительную сѣнь
 Снесенъ въ ошцу ея въ курень.
 Съ какой заботою ходила
 Она за ссраждущимъ больнымъ;
 Съ какимъ участіемъ живымъ
 Мои желанія ловила.
 Я всѣ утѣхи находилъ
 Въ моей Розачкѣ черноокой;
 Въ ея словахъ я нѣгу пилъ
 И облегчалъ недугъ жестокой.
 Въ часы бессонницы моей,
 Она, припикнувъ къ изголовью,
 Сидѣла съ тихою любовью
 И не сводя съ меня очей.
 Въ часъ моего уснокоенья
 Она ходила собирать

Сшениыя шравы и коренья,
 Чшобъ ими друга врачевашь.
 Кацъ часшо нѣжно и привѣшно
 На мнѣ прекрасной взоръ бродилъ,
 И я Козачку непримѣтно
 Душою пылкой полюбилъ.
 Въ своей невинности сначала
 Она меня не понимала;
 Я шосковалъ, кипѣла кровь!
 Но скоро пылкая любовь
 И въ милой дѣвѣ запылала. . .
 Насшала щасія пора!
 Подругой юной изцѣленный,
 Съ душей, любовью упоенной,
 Я обновленный всшалъ съ одра.
 Не долго мы любовь шаили,
 Мы скоро жаръ сердецъ своихъ
 Ея родителемъ оширыли,
 И на союзъ сердецъ просили
 Благословенія у нихъ.

»Три года молніей промчались
 Подъ кровомъ хижины простой;
 Съ моей подругой молодой

Ни разу мы не разлучались.
 Среди пущынь, среди степей,
 Въ кругу рѣзвѣющихся дѣшей,
 На мирномъ лонѣ сладострасшья,
 Съ Козачкой милою моею
 Вполнѣ узналъ я цѣну щасшья.
 Угрюмый Гетманъ насъ любилъ,
 Какъ дѣдъ, дарилъ малюшкѣ милыхъ,
 И наконецъ, изъ мѣстъ унылыхъ
 Въ Башуринъ насъ переманилъ.

»Все шло обычной чередой.
 Я щасшливъ былъ: но вдругъ покой
 И щасшье мое сокрылось;
 Нагрянулъ Карлъ на Русь войной:
 Все на Украинѣ ополчилось,
 Съ весельемъ всѣ лешѣтъ на бой;
 Лишь только мракомъ и шоской
 Чело Мазепы обложилось.
 Изъ-подъ бровей нависшихъ сталъ
 Сверкаше какой-то пламень дикій;
 Угрюмый съ нами, онъ молчалъ,
 И равнодушиѣ внималъ
 Полковъ привѣшшвенные клики.

»Вину шапиственной шоски
 Вошце я разгадашь спарался;
 Мазепа ото всѣхъ скрывался,
 Молчалъ—и собиралъ полки.
 Однажды позднею порою
 Онъ въ свой дворецъ меня призывалъ;
 Вхожу, и слышу: »Я желалъ
 Давно бесѣдовать съ тобою;
 Давно хотѣлъ ошкрыться я
 И важную повѣришь шайну;
 Но напередъ завѣрь меня,
 Что ты при случаѣ себя
 Не пожалѣешь за Украину«—(*)
 —»Готовъ всѣ жершвы я принесу,
 Воскликнулъ я, странѣ родимой;
 Ошдамъ дѣшей съ женой любимой;
 Себѣ одну оставлю честь.«—
 Глаза Мазены засверкали;
 Какъ предъ разсвѣтомъ ночи мгла,
 Съ его угрюмага чела
 Сбѣжало облако печали.

(*) „Напрасная забота! О благе Украины некая
 „великій преобразователь Россіи.“

Сжавъ руку мѣ, онъ продолжалъ:
 »Я зрю въ тебѣ Украины сына;
 Давно прямого гражданина
 Я въ Войнаровскомъ угадалъ.
 Я не люблю сердецъ холодныхъ:
 Они враги родной сѣранѣ,
 Враги священной старинѣ:
 Ничто имъ бремя бѣдъ народныхъ.
 Имъ чувствъ высокихъ не дано,
 Въ нихъ нѣтъ огня душевной силы,
 Отъ колыбели до могилы
 Имъ пресмыкашся суждено.
 Ты не шаковъ; я ещо вижу;
 Но чувствъ твоихъ я не унижу,
 Сказавъ, что родину мою
 Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.
 Какъ должно юному герою,
 Любя сѣрану своихъ ошцовъ,
 Женой, дѣшями и собою
 Ты ей пожертвовашъ гошовъ...
 Но я, но я, пылая месшью,
 Ее спасая отъ оковъ,
 Я жертвовашъ гошовъ ей чесшью.
 Но къ шайнѣ присступишь пора:

Я чшу Великаго Петра,
 Но — покараяся судьбинѣ,
 Узнай: я врагъ ему ошнынѣ!
 Шагъ ешомѣ дерзокѣ, знаю я;
 Омѣ случая всему рѣшенье,
 Успѣхѣ не вѣренѣ — и меня
 Иль слава ждешѣ, иль поношенье! (*)
 Но я рѣшилсѣ; пусть судьба
 Грозилѣ спранѣ родной злощасьемѣ;
 Ужъ близокѣ часѣ, близка борьба³.
 Началомѣ бѣдѣ моихѣ была
 Сѣя бесѣда роковая!
 Сѣ тѣхѣ порѣ пора утѣхѣ прошла;
 Сѣ тѣхѣ порѣ, о родина свяшая!
 Лишь ты всю душу заняла.
 Мазенѣ предасѣя я слѣпо,
 И, другѣ ошчизны, другѣ добра,
 Я поклялсѣя враждой свирѣпой
 Прошивѣ Великаго Петра.

(*) „Какая слава озарила бы Мазену, если бы
 „онѣ содѣйствовалѣ Петру въ незабвенную
 „битву Полтавскую! какое безславіе ома-
 „раетѣ его за вѣроломное оставленіе побѣдо-
 „носныхѣ рядовѣ Петра!

Ахъ, можешь былъ я въ заблужденьѣ,
 Кипящей ревностью горя;
 Но я въ слѣпомъ ожесточеньѣ
 Тираномъ почиалъ Царя...
 Быть можешь, увлеченный спрасью,
 Не могъ я цѣну дать ему,
 И относилъ то къ самовластью,
 Что свѣтъ отнесъ къ его уму.
 Судьбѣ враждующей послушенъ,
 Переносу я жребій свой,
 Но, ахъ! вдали страны родной
 Могуль всегда быть равнодушнѣ?
 Рожденный съ пылкою душой,
 Полезнымъ быть родному краю,
 Съ надеждой славиться войной,
 Я бесполезно изнываю
 Въ странѣ пусшынной и чужой.
 Какъ тѣнь вездѣ тоска за мною,
 Ужъ гаснешъ огонь моихъ очей,
 И шаю я, какъ ледъ весною
 Отъ распалющихся лучей.
 Душѣ честолюбивой бремя
 Вести съ бездѣйствіемъ борьбу;
 Но какъ ужасно знаешь до время

Свою ужасную судьбу!
 Судьбу— всю жизнь влача въ кручинѣ,
 Тая шокъ въ душѣ своей,
 Зрѣшь гробъ въ безбрежной сей пущинѣ,
 Далеко отъ родныхъ степей....
 Почто, почто въ битвѣ кровавой,
 Летая гордо на конѣ,
 Не встрѣшилъ смерти подъ Полтавой?
 Почто съ безславіемъ, иль славой
 Я не погибъ въ родной странѣ?
 Увы! умру въ семъ царствѣ ночи!
 Мнѣ шакъ судилъ жестокой рокъ;
 Умру я—и чужой песокъ
 Изгнанника засыплеть очи!

ВОЙНАРОВСКІЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ужъ было ясно и свѣшло,
Морозъ снѣлялъ въ глуши дубравы ¹,
По небу сѣрому шекло
Свѣшило дня, какъ шаръ кровавый.
Но въ юршу день не проникалъ;
Скользя сквозь вѣтви древъ густыя,
Едва на окна ледяныя ²
Лучъ одинокой ударялъ.

Знакомцы новые сидѣли
Уже давно предъ очагомъ;
Дрова сосновыя дошлѣли,
Лишь угли красные блесхѣли
Порою синимъ огонькомъ.
Недвижно добрый странникъ внемлетъ
Спрадальца горестный разказъ,

И часто гибъ его обьемлешъ,
Иль слезы падающъ изъ глазъ. . . .

»Видалъ ли ты когда весной,
Освобожденная изъ плѣна,
Въ берегахъ крушыхъ несешся Лена?
Когда, гоня волну волной
И разрушая всѣ преграды,
Ломаешъ льдисшыя громады,
Иль поднимая дикій вой,
Клубишся и бугры вздымаешъ,
Ушесы съ ревомъ ошторгаешъ
И ихъ уносишъ за собой,
Шумя, въ невѣдомыя степи? . . .

На гласъ ошчизны и вождей,
Низпровергая всѣ препоны,
Помчались защищать законы
Среди ошеческихъ степей.

»Лешая за гремѣщей славой,
Я жизни юной не щадилъ,
Я степи кровью обагрилъ,

И свой булатъ въ войнѣ кровавой
О кости Рускихъ пришунилъ.

»Мазена съ Сѣвернымъ героемъ
Давалъ въ Украинѣ бой за боемъ.
Дымилась кровію поля,
Тѣла разбросанныя гнили,
Ихъ псы и волки шерестили;
Назалась шрупомъ вся земля!
Но всѣ усилія тщетны были:
Ихъ умъ Петровъ преодолѣлъ;
Часъ битвы роковой приспѣлъ—
И мы ошчизну погубили!
Полшавской громъ загрохоталъ...
Но въ грозной битвѣ Карлъ свирѣпой
Противъ Петра не устоялъ!
Разбитъ, впервые онъ бѣжалъ;
Во слѣдъ ему—и мы съ Мазеной.

»Почти безъ отдыха пять дней
Бѣжали мы среди стеней,
Бояся вражеской погони;
Уже измученные кони
Служить отказывались намъ

Дрожа отъ стужи по ночамъ,
 Изнемогая въ день отъ зноя,
 Едва сидѣли мы верхомъ. . .
 Однажды въ полночь подъ лѣскомъ,
 Мы для минушнаго покоя
 Остановились за Днѣпромъ.
 Воиругъ синѣла снѣжь глухая,
 Луну зашмили облака,
 И шишину перерывая,
 Шумѣла въ берегахъ рѣка.
 На войлокѣ простомъ и грубомъ,
 Главою на сѣдло склоненъ,
 Усшальный Карлъ дремалъ подъ дубомъ,
 Толпами рашныхъ окруженъ.
 Мазена подъ костромъ сосновымъ
 Вдали, на почернѣвшемъ пнѣ,
 Сидѣлъ въ глубокой шишинѣ,
 И съ видомъ мрачнымъ и суровымъ,
 Какъ другу открывался мнѣ:

»О какъ невѣрны наши блага!

О какъ подвласшны мы судьбѣ!

Вошще въ душахъ кипишъ ошвага:

Уже насшалъ конецъ борьбѣ.

Одно мгновенье все рѣшило,
Одно мгновенье насъ сгубило.

Мазепѣль духомъ унижашься,
Не буду рока я рабомъ;

И мнѣ ли съ рокомъ не сражашься,
Когда сражался я съ Петромъ?

Такъ, Войнаровскій, испытая,
Покуда длился жизнь моя,

Всѣ способы, всѣ средства я,
Чтобы помочь родному краю.

Спокоенъ я въ душѣ своей;
И Петръ и я—мы оба правы (*);

Какъ онъ, и я живу для славы,
Для пользы родины моей. «—»

Замолкнулъ онъ; глаза сверкали;
Дивился я его уму;

Дрова шреща ужъ догорали.
Мазепа легъ: но вдругъ къ нему

(*) „Его голосъ безразсуднаго отгнанія Мазепы,
„разбитаго подъ Полтавою. — Удивительна
„дерзость, сравнивать себя съ Петромъ.“—

Двухъ плѣнныхъ Козаки примчали. одно
Облокошяся, вождь сѣдой, одно
Волнуемъ шайно мрачной думой, — — —
Спросилъ, взглянувъ на нихъ угрюмо: —
»Что новаго въ сѣраи родной?«

»Я изъ Башурина недавно,
Одинъ изъ плѣнныхъ отвѣчалъ;
Народъ Петра благословлялъ,
И радуясь побѣдѣ славной,
На стогнахъ шумно пировалъ;
Тебѣжъ, Мазепа, какъ Іуду,
Клянутъ Украинцы повсюду;
Дворецъ швой, взяшый на копье,
Былъ предавъ намъ на расхищенье,
И имя славное швое
Теперь — и брань и поношенье!«

»Въ отвѣтъ, склонивъ на грудь главу,
Мазепа горько улынулся;
Прилежъ, безмолвный, на шраву
И въ плащъ широкій завернулся.
Мы всѣ съ участіемъ живымъ
За Гешмана пылая месшью,

Стояли молча передъ нимъ,
 Поражены ужасной вѣстью.
 Онъ приковалъ къ себѣ сердца:
 Мы въ немъ главу народа чтили,
 Мы обожали въ немъ отца,
 Мы въ немъ опечесство любили.
 Не знаю я, хотѣлъ ли онъ
 Спасши ошъ бѣдѣ народѣ Украины,
 Иль въ ней себѣ воздвигнуть пронъ,—
 Миѣ Гешманъ не ошкрылъ сей шайны.
 Ко праву хишраго вождя
 Успѣлъ я въ десяшь лѣтъ привыкнушь;
 Но никогда не въ силахъ я
 Былъ замысловъ его проникнушь.
 Онъ скрышенъ былъ ошъ юныхъ дней,
 И, странникъ, повшорю: не знаю,
 Что въ глубинѣ души своей
 Готовилъ онъ родному краю.
 Но знаю то, что зашая
 Родешво, и дружбу, и природу,
 Его сразилъ бы первый я,
 Когдабъ онъ сталъ врагомъ народу ⁵.

»Съ разсѣвѣшомъ дня мы снова въ пушь
Помчались по степи унылой.
Какъ шажно взволновалась грудь,
Какъ сердце юное запыло,
Когда рубежъ страны родной
Узрѣли мы передъ собой!

»Въ волненьи чувствъ, тоской томимый,
Я какъ ребенокъ зарыдалъ,
И взявши горсть земли родимой,
Къ кресту съ моливой привязалъ.
»Быть можешь — думалъ я, рыдая —
Украины мнѣ ужь не видашь!
Хоть ты, земля роднаго края,
Меня въ чужбинѣ утѣшая,
Ошъ грусти будешь врачевать,
Ошчизну мнѣ напоминая.«...⁶

»Увы! предчувствіе сбылось:
Судьбы вѣлѣньемъ самовластной,
Съ тѣхъ поръ на родинѣ прекрасной
Мнѣ побывать не довелось...»

»Въ странѣ глухой, въ странѣ безводной,
Гдѣ только изрѣдка ковыль

По сени спелелся безплодной,
 Мы мчались, поднимая пыль.
 Коней мы вовсе изнурили,
 Спрадалъ увѣчанный бѣглецъ (*),
 И съ горстью Шведовъ, наконецъ
 Въ Бендеры къ Туркамъ мы вступили.
 Тутъ въ страшный недугъ Гешманъ впалъ ?;
 Онъ непрестанно шепещалъ,
 И взгляды кругомъ бросая быстрой,
 Меня и Орлика онъ звалъ,
 И задыхаясь, увѣрялъ,
 Что Кочубея видитъ съ Искрой.

»Вотъ, вотъ они!....при нихъ палачъ!
 — Онъ говорилъ, дрожа отъ страху —
 Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
 Кругомъ сненанія и плачь...
 Готовъ ужъ исполнишь муки;
 Вотъ засучилъ онъ рукава,
 Вотъ взялъ уже съкиру въ руки...
 Вотъ покашлялась голова.....
 И вотъ другая!..... всѣ шепещутъ!
 Смогри какъ страшно очи блещутъ!«....

(*) Карлъ XII.

»То въ ужасѣ, порой, съ одра
 Бросался онъ въ мои объятія;
 »Я вижу грознаго Петра!
 Я слышу страшныя проклятія!
 Смори: блещишь свѣчами храмъ,
 Съ кадилъницъ вѣшается еиміамъ. . . .
 Мишрополишь, грозящій взоромъ,
 Такъ возглашаешь съ громкимъ хоромъ:
 Мазепа проклятъ въ родъ и родъ:
 Онъ погубишь хотѣлъ народъ!« —⁸

»То шрепеща и цѣпенѣя,
 Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь,
 Жену страдальца Кочубея
 И обольщенную ихъ дочь.
 Въ сраданьяхъ сихъ изнемогая,
 Молишву громко онъ чишалъ,
 То горько плакалъ и рыдалъ,
 То дикій взглядъ на всѣхъ бросая,
 Онъ, какъ безумный, хохоталъ.
 То въ память приходя порою,
 Онъ очи, полныя слезою,
 На насъ уныло усматривалъ.

»Въ девятыи день примѣнно стало
 Мазепѣ подѣ вечерѣ труднѣй;
 Изнеможенный и усшальный,
 Дышалъ онѣ рѣже и слабѣй;
 Томимѣ болѣзнію своей,
 Хотѣлъ онѣ скрыть, казалось, муку....
 Кѣ нему я бросился, взялъ руку;
 Увы! она уже была
 И холодна, и тяжела!
 Глаза осшановясь смотрѣли,
 Потѣ просшупалъ, онѣ ошходилъ....
 Но вдругѣ, собравѣ осшашокѣ силѣ,
 Онѣ приподнялся на постели,
 И бросивѣ пылкій взглядѣ на насѣ:
 »О Петръ! О родина!« — воскликнулѣ.
 Но сѣ симѣ въ сшрадалицѣ замерѣ гласѣ,
 Онѣ вновь упалѣ, главою поникнулѣ,
 Въ меня недвижный взорѣ впериѣ,
 И вздохѣ послѣдній испусшилѣ....
 Безѣ слезѣ, безѣ чувствѣ, какѣ мраморѣ
 хладный,
 Передѣ умершимѣ я стояѣ,
 Я умѣ и памяшѣ потеряѣ,
 Убишый грустью безошрадной..

»Наспалъ день грустныхъ похоронъ:
 Самъ Карлъ, и мрачный, и унылый,
 Вождя Украйны до могилы
 Съ дружиной Шведовъ провожалъ.
 Розакъ и Шведъ равно рыдали;
 Я шелъ, какъ тѣнь, въ кругу друзей.
 О странникъ! странникъ! всѣ мечтали,
 Что мы съ Мазепою погребали
 Надежду родины своей.
 Увы! послѣднй долгъ герою
 Чрезъ силу я ошдашь успѣлъ.
 Въ шомъ самый день внезапно мною
 Недугъ жестокой овладѣлъ.
 Я былъ ужъ на краю могилы:
 Но жизнь во мнѣ зажглась опяшь,
 Мои возобновились силы,
 И снова началъ я спрадась.

»Бендеры мнѣ прошивны спали,
 Я ихъ покинулъ и лешѣлъ
 Ошъ земляковъ въ чужой предѣлъ,
 Разсѣять мракъ своей печали.
 Но ахъ, напрасно! рокъ за мной
 Съ неопразимою бѣдой,

Какъ духъ враждующій, стремился :
 Я схваченъ былъ толпой враговъ,
 И въ вѣчной ссылке очутился
 Среди пущынныхъ сихъ лѣсовъ. . . .

»Ужь много лѣтъ прошло въ изгнаньѣ.
 Въ глухой и дикой сторонѣ
 Спасеніе и упованье
 Была свяшая Вѣра мнѣ.

»Я привыкалъ къ несчастной долѣ;
 Лишь объ Украинѣ и родныхъ,
 Украдкой отъ враговъ моихъ,
 Грустилъ я часто по неволѣ.
 Чшо сталося съ родиной моею?
 Ного въ Петръ—врага, иль друга
 Она нашла въ судьбѣ своей?
 Гдѣ слезы льетъ моя подруга?
 Увижуль я своихъ друзей?
 Такъ я души покой минушной
 Въ своемъ изгнаньи возмущалъ,
 И отъ шоски и думы смущной,
 Покинувъ городъ безпріютной,
 Въ лѣса и дебри убѣгалъ.

Въ моей шоскѣ, въ моемъ несчастѣ,
 Миѣ былъ ошраденъ шумъ лѣсовъ,
 Ошрадно было миѣ ненастье,
 И вой грозы, и плескъ валовъ.
 Во время бури заглушала
 Борьба стихій борьбу души;
 Она миѣ силы возвращала,
 И на мгновеніе, въ глуши,
 Душа сстрадашь переставала.

»Разъ у Якушской юршы я
 Стоялъ подъ сосной одинокой;
 Буранъ шумѣлъ вокругъ меня,
 И свирѣѣлъ морозъ жестокой;
 Передо мной скалы и лѣсъ
 Грядой тянулись безбрежной;
 Вдали, какъ море, съ степью снѣжной
 Сливался темный сводъ небесъ.
 Отъ юршы вдаль, шальникъ кудрявый
 Подъ снѣгомъ сплался, между горъ
 Въ боку былъ видѣнъ черный боръ
 И берегъ Лены величавой.
 Вдругъ вижу: женщина идетъ,
 Дахой убогою прикрыша,

И связку дровъ едва несешьъ,
 Рабошой и шоской убиша.
 Я къ ней, и что же? .. узнаю
 Въ несчастной сей, въ морозъ и вьюгу,
 Козачку юную мою,
 Мою прекрасную подругу!....

»Узнавъ объ участи моей
 Она изъ родины своей,
 Пошла искать меня въ изгнаньѣ.
 О странникъ! тяжко было ей
 Не раздѣлять со мной страданье.¹⁰
 Встрѣчала много на пуши
 Она страдальцовъ знаменитыхъ,
 Но не могла меня найши:
 Увы! я здѣсь въ числѣ забытыхъ.
 Законъ велишь молчать, кто я,
 Начальникъ самъ того не знаешь.
 Объ томъ и спрашивать меня
 Никто въ Якускѣ не дерзаетъ.

»И добрая моя жена,
 Судьбой гонимая жестокой,
 Была блуждашь осуждена,
 Тая шоску въ душѣ высокой.

«Ахъ, говоришь ли, странникъ мой,
Тебѣ обѣ радости печальной
При встрѣчѣ съ доброю женой
Въ странѣ глухой, въ странѣ сей дальней?»

«Я ожилъ съ нею; но дѣшей
Я не нашелъ уже при ней
Ошца и машери спраданья
Имѣ не судилъ узнать Творецъ;
Они не зрѣвъ страны изгнанья,
Вкусили радостный конецъ.

«Съ моею подругой возвратилось
Душѣ спокойствіе опять;
Мнѣ будшо легче становилось;
Я началъ рѣже шосковать.
Но, ахъ! не долго счастье длилось;
Оно, какъ сонъ, исчезло вдругъ.
Давно закравшійся недугъ
Въ младую грудь подруги милой,
Съ весной примѣнно сталъ сближать
Ее съ безвременной могилой.
Тутъ мнѣ судилъ Творецъ узнать
Всю доброшу души прекрасной

Моей страдальцы несчастной.
 Болѣзнію изнурена,
 Съ какой заботою она
 Свои страданья скрываетъ старалась:
 Она шутила, улыбалась,
 О прежнихъ говорила дняхъ,
 О падшемъ дядѣ, о дѣтяхъ.
 Нѣ ей жизнь, казалось, возвращалась
 Съ порывомъ пылкихъ чувствъ ея;
 Но часто тайно, ошъ меня,
 Она слезами обливалась.
 Ей жизнь и силы возвратишь
 Я небеса молилъ напрасно;
 Судьбы ни чѣмъ не ошвратишь.
 Насмалъ для сердца часъ ужасной!
 »Мой другъ! — сказала мнѣ она—
 Я умираю, будь покоенъ;
 Намъ здѣсь печаль была дана;
 Но, другъ, есть лучшая страна:
 Ты по душѣ ее заслужишь.
 О! тамъ, мы свидимся опять!
 Тамъ ждешь награда за страданья,
 Тамъ нѣтъ ни казней, ни изгнанья,
 Тамъ насъ не будутъ разлучать.» —

Она умолкла. Вдруг примѣнно
 Спаль угасашь огонь очей.
 И, наконецъ, вздохнувъ сильнѣй,
 Она, съ улыбкою привѣшной,
 Увѣла въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
 Безвременно, въ Сибири хладной,
 Какъ на изсохшемъ стеблѣ цвѣтъ
 Въ теплицѣ душной, безошрадной.

»Могильный, грустный холмъ ея
 Близъ юрты сей насыпалъ я.
 Съ закашомъ солнца я, порою,
 На немъ въ безмолвіи спужу,
 И чудотворною мечшою
 Лѣта прошенія бужу.
 Всѣ воскресашь предо мною:
 Друзья, Мазепа и война,
 И съ чистою своею душою
 Невозвратимая жена.

»О странникъ! память о подругѣ
 Спрадальцу бодрость въ душу льешь;
 Онъ равнодушнѣй смерти ждешь
 И плачешь сладостно о другѣ.

» Какъ часто вспоминаю я
 Надъ хладною ея могилой
 И свойства добрыя ея,
 И пылкій умъ, и образъ милой!
 Съ какою спраснію она,
 Высокихъ помысловъ полна,
 Свое опечество любила.
 Съ какою живостію обв немъ
 Въ своемъ изгнаньи роковомъ
 Она со мною говорила!
 Неутолимая печаль
 Её шагча, сибдала тайно;
 Ея шоски не зрѣлъ Москаль;
 Она ни разу, и случайно,
 Врага спраны своей родной (*)
 Порадовашъ не захошбла
 Ни тихимъ вздохомъ, ни слезой.
 Она могла, она умбла
 Гражданкой и супругой бытъ,
 И жаръ нв добру души прекрасной,
 Въ укоръ судьбинѣ самовласной
 Въ самомъ спрананьи сохранишь.

(*) Татары и Поляки.

Сь ушатой сей онъ бѣдѣ усталой,
 Сь душой для щасія увялой,
 Я вѣру въ щасіе потерялъ;
 Я много горя испыталъ,
 Но тяжкой жизнью недовоальной,
 Какъ шрусъ презрѣнный, не искалъ
 Спасенія въ смерти самовольной.
 Не разъ встрѣчалъ я смерть въ бояхъ;
 Она кругомъ меня ходила
 И груды труповъ громоздила
 Въ родныхъ Уираинскихъ степяхъ.
 Но никогда, ей въ очи глядя,
 Не содрогнулся я душой;
 Не забывалъ, сшремя въ бой,
 Чшо мнѣ Мазепа другъ и дядя.
 Чшншь славныхъ сь дѣшества я привыкъ;
 Защишникъ Гима благородный,
 Душою истинно свободный,
 Дѣлами истинно великъ.
 Но онъ дошшннѣ укоризны;
 Согражданъ самъ онъ погубилъ:
 Онъ шоржештво враговъ опчизны
 Самоубійствомъ ушвердилъ. —
 Ты видишь самъ, какъ я сшрадаю,

Какъ жизнь въ изгнаньи тяжела;
 Мнѣбъ смерть оспрадою была:
 Но жизнь и смерть я презираю...
 Мнѣ надо жить; еще во мнѣ
 Горитъ любовь къ родной странѣ. —

Тутъ Войнаровскій замолчалъ;
 Съ лица исчезнулъ мракъ печали,
 Глаза слезами засверкали,
 И онъ молился тихо сжалъ.
 Гость просвѣщенный угадалъ,
 Объ чемъ страдалецъ сей молился;
 Онъ самъ невольно прослезился,
 И несчастливцу руку далъ,
 Въ душѣ съ тоской и грустью сильной,
 Въ знакъ дружбы вѣрной, домогильной...

Дни уходили съ быстрой,
 Зима обротно налетѣла
 И хладною рукой одѣла
 Природу въ саванъ сѣровой.

Въ пустынь странникъ просвѣщенной
 Спиральца часто навѣщалъ,
 Тоску и грусть съ нимъ раздѣлялъ,
 И объ Украинѣ незабвенной,
 Какъ сынъ Украины, онъ мечталъ.

Однажды онъ въ уединенье
 Съ оспрадной вѣсью о прощеньѣ
 Къ спиральцу другу посѣщалъ.
 Морозъ шрещалъ. Глухой шроною
 Олень пернашою шрѣлою
 Его на быстрой наршѣ мчалъ. ¹¹
 Уже онъ ловишъ жаднымъ взоромъ
 Сквозь вѣшви дровъ, въ глуши лѣсной,
 Кровъ одинокой и просшой
 Съ полуразрушеннымъ заборомъ.

Съ какимъ восторгомъ сладкимъ я
 Снажу: окончены спраданыя!
 Мой другъ, покинь страну изгнанья!
 Леши въ родимыя края!
 Тамъ ждущъ тебя, въ странѣ прекрасной,
 Благословенья земляковъ,
 И кругъ друзей съ душою ясной

И мирный домъ своихъ отцовъ!
 Такъ добрый Миллеръ предавался
 Дорогой сладостнымъ мечтамъ.
 Но вошъ онъ къ низкимъ ворошамъ
 Пустынной хижины примчался.
 Никто встрѣчать его нейдетъ.
 Онъ входитъ въ двери. Лучъ привѣстной
 Сквозь занесенный снѣгомъ ледъ
 Украдкой свѣтъ угрюмой льшетъ:
 Всѣ пусто въ юртѣ безотвѣстной;
 Лишь мракъ и холодъ въ ней живетъ.
 »Всѣ въ запусѣньи! мыслишь странникъ,
 Кудажъ сокрылся ты, изгнанникъ?« —
 И думой мрачной оштыгченъ,
 Тревожимъ тайною шоскою,
 Идетъ на холмъ могильный онъ —
 И что же видишь предъ собою?

Подъ наклонившимся крестомъ,
 Съ опущеннымъ на грудь челомъ,
 Какъ грустный памятникъ могилы,
 Изгнанникъ мрачный и унылый
 Сидитъ на холмѣ гробовомъ
 Въ оцепенѣньи роковомъ:

Въ глазахъ недвижныхъ хладъ кончины,
 Какъ мраморъ лоснился чело,
 И отъ сосѣдственной долины
 Ужь мертвеца до половины
 Пушистымъ снѣгомъ занесло.

К О Н Е Ц Ъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

къ Первой части Войнаровскаго.

1. *Юрта*, жилище дикихъ Сибирскихъ обывателей. Онѣ бывають лѣтнія и зимнія, подвижныя и посюйныя; бывають бревенчатыя, береспянные, иногда войлочные и кожаные.

2. *Лсакъ*, подашь мѣхами собираемая съ Сибирскихъ народовъ.

3. *Варнакъ*, преслупникъ, публично наказанный и заклеименый.

4. *Байкаль*, Святое море или озеро, справедливѣ Ангарской провалъ, лежишь въ Иркутской губерніи между 51° и 58° Сѣверной широты и между 121° и 127° Восточной долготы, счишая отъ оспрова Ферро. Непостоянные вѣспры, безпрерывныя жеспокія бури и непроницаемые туманы, особенно въ Ноябрь и Декабрь мѣсяць бывающіе на семь озеръ, были причиною многихъ бѣдспвій. Часто во время весьма хорошей погоды вѣспрь неожиданно и мгновенно перемѣняеися, начинаеися буря и до того спокойныя и свѣтлыя воды Байкала подымаются горами, чернѣють, пѣнились, ревущь, и все представляесть ужасное и вмѣспѣ величеспвенное зрѣлище.

Въ спранъ шой хладной и дубравной
Въ шо время жилъ нашъ Миллеръ славной.

5. *Миллеръ*. Россійскій Исторіографъ Гергардъ Фридрихъ Миллеръ, родился 7 Октябрія 1705 года въ Вестфалии. Первое воспитаніе получилъ онъ подъ надзоромъ отца своего, кошорый былъ Ректоромъ Герфордской Гимназіи. Тогда еще открывалась въ юношѣ склонность къ Исторіи. Онъ любилъ по вечерамъ въ семейственномъ кругу рассказывать брашьямъ и сеспрамъ слышанное шого ушра о Грекахъ и Римлянахъ, съ жадностію чиналъ жизни великихъ мужей древности; и когда Петръ I проѣзжалъ въ 1717 году чрезъ Герфордъ, двѣнадцати-лѣшній Миллеръ ушелъ шайнымъ образомъ босой изъ ошцовскаго дома, чшобъ имѣшь случай посмошрѣшь на Великаго. На 17 году возраста Миллеръ ошправился въ Лейпцигскій Университетъ, гдѣ довершилъ свое воспитаніе подъ руководствомъ Гошпеда, въ свое время ученѣйшаго мужа въ Германіи.

Между шѣмъ Петръ, окончивъ войну съ Швеціею, занялся исключительно водвореніемъ просвѣщенія въ своемъ ошечествѣ. Зналъ, что прежде заведенія училищъ нужно было образовашъ учителей, онъ учредилъ Академію; и чшобъ достигнушь своей цѣли, далъ ей направленіе, соошвѣтственное своимъ видамъ. Всѣ Европейскія заведенія сего рода состояшъ изъ ученыхъ людей, кошорые сочиненіями своими обязаны спосбшвовашъ успѣху наукъ и искусствъ. С. Петербургская Академія, сверхъ сей обязанности, имѣла другую: образованіе молодыхъ Россіянъ,

копорые въ свою очередь должны были сообщатьъ пріобрѣшенныя познанія своимъ соотечественникамъ. Она была свѣщиломъ, котораго благошворные лучи должны были распространяться во всѣ концы Россіи. Президенту ея Блюменшпроу поручено было вызвать для сего изъ Германіи ученыхъ, и по его-шо приглашенію Миллеръ прибылъ въ Россію.

Петра I не сшало, но намѣренія его исполнялись: Академія открыла свои засѣданія 16 Декабря 1725 года, и Миллеръ началъ свое поприще въ Россіи преподаваніемъ Лашинскаго языка, Географіи и Испоріи въ верхнемъ классѣ Академической Гимназіи. Познанія его, рачительность въ исполненіи возложенной на него обязанности и прочное исполненіе порученной ему Секретарской должности, во время которой онъ издалъ три части Комментаріевъ, заслужили ему всеобщее уваженіе. Въ половинѣ 1730 года Миллеръ произведенъ былъ въ Профессоры Испоріи и назначенъ дѣйствительнымъ Членомъ Академіи.

Скорое его возвышеніе поселило зависть въ людяхъ, копорые хоша уступали ему въ познаніяхъ, но полагали, что имѣють равныя съ нимъ права на почести. Чшобъ удалиться отъ непріятностей, Миллеръ подъ предлогомъ домашнихъ обстоятельствъ поѣхалъ въ чужіе края и во время сего путешествія имѣлъ случай оказать услугу Академіи, пріобрѣвши для нее новаго члена, ученаго Оріенталиста Кера, копорый положилъ основаніе нынѣшнему Азіатскому Минцъ-Кабинету при Пешербургской Академіи Наукъ.

Новое важнѣйшее порученіе ожидало Миллера по возвращеніи его въ Россію. Въ это время Пешербургская Академія Наукъ предприняла до-
стоинный ея трудъ. Снаряжена была экспедиція для приведенія въ извѣстность земель, соспавля-
ющихъ Сѣверную часть Азіи. Профессоръ Делиль де ла Крокеръ отправленъ былъ для Астрономи-
ческихъ наблюденій; Гмелинъ долженъ былъ за-
нявшись описаніемъ всего, что касалось до есте-
ственныхъ наукъ, а Миллеру поручено было об-
ратить вниманіе на Географію, древности и
Исторію народовъ, населяющихъ Сибирь. Пуше-
шескіе сіе, начавшее въ Февралѣ 1733 года, про-
должалось годъ. Не будемъ слѣдовать за ученымъ
изслѣдовавшемъ во время его пуши, наблюдавшимъ
съ нимъ вмѣстѣ обычаи Черемисовъ и Вошяковъ
и прослѣды нравы Телеушовъ, Тунгузовъ и Яку-
шовъ. Довольно, если скажемъ, что онъ велъ по-
дробный журналъ всему пуши, самъ заготовлялъ
карты оному, съ точнымъ означеніемъ мѣстности
каждой страны, соспавлялъ Историческія и
Географическія описанія городовъ, чрезъ которые
проѣзжалъ, разбиралъ архивы оныхъ и тщатель-
но выписывалъ все, что находилъ въ нихъ для
Руской Исторіи, срисовывалъ вездѣ древности,
какія ему попадались, и кромѣ того привезъ кучу
замѣчаній о нравахъ, языкѣ и вѣрѣ народовъ, ко-
торыхъ посѣщалъ. Сіе множество трудовъ и
суровый климатъ Сибири разстроили его здо-
ровье. Онъ не могъ ѣхать далѣ Якутска, и боль-
ной возвратился въ Пешербургъ въ 1743 году.
Здѣсь къ физическимъ болѣзнямъ присоединились
нравственные. Въ опсуществіе Миллера сдѣланъ

былъ Призидентомъ Академіи Шумахеръ, чело-
вѣкъ познаній ограниченныхъ, непроставшій Мил-
леру его достоинствъ. Посредственность нена-
видишь истинное дарованіе. Шумахеръ, съ за-
виспю сморѣвшій на возвышеніе Миллера,
еще болѣе вознегодовалъ на него, когда сей воз-
вращился изъ Сибири, предшесвуемый славою,
что кончилъ столь важное для наукъ порученіе.
Миллеръ за десятилѣтніе труды свои получилъ
вмѣсто награды однѣ непріятности. Онъ не
оспоривалъ у другихъ права ползати передъ силь-
ными, не искалъ поспоронними пушиами и непоз-
воленными средствами того, чего имѣлъ право
претовати, не унижалъ дарованій своихъ измѣняя
истину, а пошому имѣлъ многихъ непріятелей,
Таубершъ, Тепловъ, и даже великій нашъ Ломо-
носовъ, ни въ чемъ неперѣвшій соперниковъ,
были врагами Миллера. На полезные труды его
не обращали вниманія и даже, повѣришь ли этому
пошомство, диссершацию о началѣ Рускаго наро-
да, которую онъ напечаталъ на Лашинскомъ и
Рускомъ языкахъ и готовился чипати въ пу-
бличномъ собраніи Академіи 5 Сеншября 1743, въ
день именинъ Императрицы, запрешили по шому
полько, что Исторіографъ ушверждалъ въ ней,
будшо Рюрикъ вышелъ изъ Скандинавіи. Не
сморя на сіи непріятности, Миллеръ, любившій
науки не изъ личныхъ видовъ, и движимый лю-
бовію къ общей пользѣ, былъ неусыпентъ въ тру-
дахъ своихъ. Казалось, что дѣяшельность его
возраспала съ претяшствіями, какія онъ вспрѣ-
чалъ на каждомъ шагу. За работою ученый мужъ
находилъ ушѣшеніе опъ несправедливости людей,

кошорыхъ описывы не доходили до его кабинета. По званію Россійскаго Исторіографа въ 1747 занимался онъ сооставленіемъ Сибирской и разными изслѣдованіями по части Россійской Исторіи и Географіи, сооставлялъ родословныя таблицы Россійскихъ Великихъ Князей, исправлялъ должность Конференцъ-Секретаря при Академіи, и былъ самымъ дѣшательнымъ соудникомъ въ изданіи ежемѣсячныхъ сочиненій съ 1757 по 1764 годъ.

Со вступленіемъ Императрицы Екатерины занялась въ Россіи новая заря на горизонтѣ наукъ. Заслуги Миллера были наконецъ уважены. По прозвѣ Ив. Ив. Бецкаго назначенъ онъ былъ въ 1763 году Директоромъ Московскаго Воспитательнаго Дома, а въ 1766 по представленію Графа Никиты Ивановича Панина и Князя Александра Михайловича Голицына опредѣленъ въ начальники Московскаго Архива Иностранныхъ дѣлъ. Никто лучше Миллера не могъ исполнить обязанностей, сопряженныхъ съ симъ мѣстомъ. Онъ радовался какъ дитя, когда получилъ оное, и по цѣлымъ сушкамъ проводилъ въ семь хранилищъ опечесивенныхъ харшій, занимаясь пригошвлениемъ матеріаловъ для Россійской Исторіи и объясненіемъ встрѣчающихся въ оной темныхъ мѣстъ. Государыня, бывъ еще Великою Княжною, знала Миллера и во время пребыванія его въ Москвѣ часто призывала его къ себѣ для совѣщевъ. Миллеръ былъ избранъ Академіею въ 1767 году Депутатомъ въ Коммиссію законовъ, находившуюся въ Москвѣ, и здѣсь предлагалъ различные планы для водворенія наукъ и распротраненія про-

свѣщенія въ Россіи. Когда Коммиссія переведена была въ С. Петербургъ, онъ получилъ отъ Императрицы позволеніе осматрѣться въ Москвѣ, и кромѣ Архива Иностранныхъ дѣлъ занялся по приказу Государыни разборомъ Архивовъ Разряднаго и Сибирскаго Приказа. Онъ работалъ съ утра до ночи, и жалѣлъ только, что ему минуло 63 года и онъ не будетъ имѣть ни времени, ни силы для исполненія ожиданій Монархини и соотечественниковъ. Въ 1775 году Академія поручила ему написать ея Исторію отъ самаго ея основанія. Въ томъ году праздновали 50 лѣтнее ея существованіе. Миллеръ, единственный изъ Членовъ, который находился при ея основаніи, былъ свидѣтелемъ и участникомъ въ томъ, что въ ней происходило во все время ея засѣданій, и пошому лучше всякаго другаго могъ исполнить сіе назначеніе. Окончивъ сію работу, онъ занялся по прежнему извлеченіями изъ архивскихъ бумагъ и пригошовленіями матеріаловъ для Руской Исторіи. Необыашный трудъ сей занималъ послѣдніе годы его жизни. Иногда для поправленія своего здоровья отвлекалъ онъ себя поѣздками въ города, лежащіе по близости Москвы: но и тутъ, чтобы употребить время съ пользою, составлялъ Историческое и Географическое описаніе оныхъ. Миллеръ скончался въ 1785 году, имѣя 79 лѣтъ отъ роду.

Заслуги Миллера по нашей Исторіи болѣе или менѣе извѣстны всякому образованному Россіянину. Излишне было бы изчислять его сочиненія. Здѣсь прибавимъ только, что нравственныя его качества не уступали его познаніямъ. Миллеръ

зналъ, что человекъ готовящійся къ исправленію другихъ, долженъ самъ собою подавать примѣръ, что въ писателѣ добродѣтельная жизнь есть лучшее предисловіе къ его сочиненіямъ. Избравъ Россію своимъ опечесивомъ, онъ любилъ ее какъ родной ея сынъ, всегда предпочиталъ ея пользу частнымъ выгодамъ, никогда не жаловался на оказанныя ему несправедливости и вездѣ, гдѣ могъ, старался быть ей полезнымъ. Никогда не унижалъ онъ достоинства своего лесня, искашесивомъ; никогда не старался выславлять себя: скромность, опличительная черта истиннаго шалаша, и даже нѣкошорая застенчивость, составляли главные черты его характера. Многія особы, занимавшія послѣ важнѣйшія мѣста при Дворѣ Екатерины, обязаны ему своимъ воспитаніемъ. Онъ охотно помогалъ совѣтами молодымъ людямъ изъ Россіянъ, или иностраннымъ писателямъ, желавшимъ имѣть свѣденія по части Россійской Исторіи. Въ домашнемъ быту онъ служилъ образцомъ семейственнаго щасія, былъ лучшимъ супругомъ, лучшимъ опцомъ семейства. Онъ имѣлъ многихъ враговъ, которые завидуя его славѣ, старались очернить его въ глазахъ современниковъ; но справедливость воспоржесивовала: обвиненія ихъ внушенныя корыстолюбіемъ были опровергнушы, и Миллеръ въ концѣ жизни своей имѣлъ удовольствіе видѣть, что истинное достоинство найдетъ всегда защитниковъ и почишателей.

7. *Дага*, шуба вверхъ шерстью, изъ шкуры дикой козы.

8. *Чебакъ*, большая теплая шапка съ ушами.

9. *Займика*, внѣ города мѣсто, занятое подъ ча-
стный домъ, или крестьянскій дворъ съ огоро-
домъ и съ другими принадлежностями; словомъ,
Руская дача или Малороссійской хуторъ.

10. *Пальма*. Такъ называющся въ Сибири длин-
ные, широкіе и толстые ножи, укрѣпленные наи-
болѣе въ березовыхъ, для крѣпости прокончен-
ныхъ раповищахъ, обшитыхъ снаружи кожей.
Съ ними Якушы, Юкагиры и другіе Сѣверные
народы ходящъ на лосей, медвѣдей, волковъ и
проч.

11. *Жирникъ*. Ночникъ съ какимъ нибудь ма-
слоу или жиромъ, засвѣчаемый на ночь.

12. *Хвостовскій* (Хвостовъ, мѣстечко въ Кіев-
ской губерніи, Васильковского уѣзда), Полковникъ
Симеонъ Палбй, отважный предводитель Запѣ-
провскихъ наѣздниковъ, родился въ Борзнѣ, и
сшаль славенъ подвигами около 1690 года. Подъ
рукою Гешмана своего *Самуся* онъ, какъ владѣ-
тельный Князь, бралъ дань съ земель по Днѣспрѣ
и Слугу, запиралъ Россію и Польшу отъ Ташаръ,
нерѣдко вторгался въ Орды Буджацкую и Бѣлго-
родскую, и захващилъ однажды въ плѣнъ самаго
Салпана. Получалъ отъ первыхъ награды, бралъ
отъ другихъ добычи и выкупы. Очаковъ не разъ
видалъ его испребительный пламень вокругъ
спѣнъ своихъ. Возспавъ на Поляковъ за ихъ не-
правды, онъ попалъ въ плѣнъ, но вырвался изъ
крѣпкой тюрьмы Магдебургской и спорицею за-
плашилъ ему за свою неволю, разбить Поляковъ
подъ Хвостовымъ, подъ Бердичевымъ, и покорив-
шись Россіи. Въ 1694 году съ Мокіевскимъ набѣ-

жавъ на Турокъ подъ Очаковымъ, не вкладывая сабли въ ножны съ Черниговскимъ Полковникомъ Лизогубомъ вшоргся въ орду Буджацкую. Добыча и побѣда увѣнчали оба предпріятія. Удачные промыслы его надъ Поляками перемежались только тогда, какъ онъ громилъ Ташаръ. Онъ бралъ и палилъ Польскіе города и опустошивъ край Волыни, овладѣлъ Троянкою. Между шѣмъ коварный Мазепа, зависливый къ славѣ, жадный къ богащству, недовѣрчивый къ силѣ Самуся и Палѣя, своихъ соперниковъ, спарался очернить ихъ въ глазахъ Петра Великаго. Съ навѣшными предсхавилъ и доказательства: жалобы Августа, письма Попоцкаго и Яблоновскаго, которые писали: что „Палѣй вѣшетъ себѣ разбойничьи гнѣзды въ крѣпостяхъ Ржечи-Посполишой и кормился хлѣбомъ, кошораго не сѣялъ.“ Мазепа шайно дѣйствовалъ прошивъ Самуся и Палѣя, а они явно воевали Польшу. Первый занялъ Богуславъ, Хорсунъ, Бердичевъ; второй взялъ Немировъ и Бѣлую Церковь. Перерѣзали шамъ Шляхичей и Жидовъ, и всѣхъ окружныхъ кресъянъ подняли на Поляковъ, общая имъ права и вѣчную свободу. Мазепа жаловался на ослушанье, Августъ просилъ удовлетворенія: Петръ повелѣвалъ оставить въ покоѣ своего союзника; но ожесточенные полководцы дѣлали свое, ни чему не внимая. Наконецъ рѣшился Мазепа извеситъ Палѣя, какъ бы то ни было. Окруженный всѣмъ своимъ войскомъ, выспунившимъ тогда на помощь Августу прошивъ Шведовъ, сильный собственною власшю и милостию Царскою, онъ не смѣлъ однакожь захвативъ Палѣя силою; позвалъ къ себѣ въ гости въ Бер-

дичевъ и за дружескою чашею заковалъ довѣрчиваго героя въ цѣпи, какъ это видно изъ слѣдующихъ стиховъ одной пѣсни:

„Ой пѣе Палій, ой пѣе Семень, да головоньку
клонишъ,

„А Мазенишъ чура (*) Палію Семену кайданы
гошовишъ.“

Въ слѣдъ за симъ онъ опослалъ его въ Башуринъ, извѣщая Головина, что Палій оказался явнымъ измѣнникомъ Государю и переданъ Карлу XII, въ надеждѣ черезъ посредство Любомирскихъ получить Гешманство въ Малороссіи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ отправленъ въ Москву, а ополъ по Указу Государеву сосланъ въ Енисейскъ, гдѣ цѣлыя пѣни лѣтъ помился вдалекѣ отъ родины и родныхъ, снѣдаемъ шоскою бездѣйствія и неволи. Измѣна Мазены открыла глаза Петру и онъ посреди заботъ военныхъ вспомнилъ объ оклеветанномъ Палѣѣ, и возвратилъ ему имущество, чинъ и свободу. Но какъ земная власъ могла возвратишъ ему здоровье! Однакожъ послѣдніе дни Палѣевой жизни были оспрадны для сердца спараго воина. Онъ пріѣхалъ къ войску въ день Полтавской битвы, сѣлъ на коня и поддерживаемый двумя Козаками, явился передъ своими. Радостные клики огласили воздухъ — видъ Палѣя воспламенилъ всѣхъ мужесшвомъ. Старикъ ввелъ Козаковъ въ дѣло и хопя сабля его не могла уже разишъ враговъ, но еще однажды указала пушъ къ побѣдѣ. Весело было умирашъ послѣ Полтавскаго сраженія: —недолго пережилъ его и Палій опъ язвъ, шрудовъ, лѣтъ, пещасній и славы.

(*) Чура — слуга.

Въ характерѣ сего безспрашнаго вождя Украинцовъ видны всѣ черпы дикаго рыцарства. Ошкрышъ въ дружбѣ и жеспокъ въ меспи. Дѣяшленъ и смѣшливъ въ войнѣ, кошорая спала его спшижію — онъ не менѣе былъ искусенъ и въ распорядкѣ дѣлъ Гешманскихъ, кошорыя велись его головою; ибо Самуся лихась его, сложилъ булаву правленія. Когда имя Палѣево спорожило границу Заднѣпріи, Ташары не нарушали ея покоя и Поляки не смѣли шамъ умничашъ. Поперемѣнно вождь и подчиненный, онъ умѣлъ повиновашься своеизбранной власти и спрого хранишъ ему врученную; былъ любимъ какъ брашъ своими шоварищами, и какъ ошець своими Козаками. Когда Мазепа захвашиль его, шо на силу могъ взяшъ Бѣлую Церковь и шо измѣною мѣщанъ. „Умремъ шунъ вси, говорили Казаки Палѣевы, а не поддадимся, коли нѣшъ здѣсь нашего башьки.“ Врагъ Ташаръ за ихъ грабежи, врагъ Поляковъ за ихъ ушѣсненія—онъ въ обоихъ случаяхъ былъ полезенъ Россіи, хопя не вполнѣ исполнялъ ея шребованія, какъ воспитанникъ необузданной свободы. Сынъ сего неуспрашимаго воина по неопшпунной прозьбѣ спаршинъ Вѣлцеровскаго полка засшуниль его мѣспо.

13. *Ватага*. Малороссійское слово, имѣетъ слѣдующія значенія: шолпа, шайка, спадо, спая, ватага разбишакъ, шайка разбойниковъ. (Кошлярев.)

14. *Гайдамакъ*. Иногда удалецъ, иногда разбойникъ; слово сіе, какъ видно изъ его корня, взяпо съ Ташарскаго языка, и въ собшвенномъ смыслѣ

значить, *бродяга*, или *бѣглець*; по сему Гайдамаки въ Малороссіи значить шже, что *Ускоки* у Славянъ Иллирійскихъ.

15. *Толокно*. Мука изъ пересушеннаго овса. Извѣстно, что въ дальнихъ своихъ походахъ, какъ нынѣ въ *тумакеванѣ*, то есть, поѣздкахъ за рыбою и солью, Малороссіяне запасались всегда не большимъ количествомъ толокна или гречневыхъ крупъ для кашицы, которую называютъ они *кулишъ*. Умѣренность есть одна изъ похвальныхъ добродѣтелей сихъ просподушныхъ сыновъ природы. Идучи обозомъ, они оспанавливаются въ полѣ, разводящъ огонь и вѣмъ *кошемъ*, т. е. артелью, сядящя за кашицу, которую варить для нихъ такъ называемый *кошеваръ*. Кто ѣдетъ въ осеннюю ночь по сѣпнымъ полямъ Полтавской, Екашеринославской, Херсонской и Таврической губерній, тому часто случается видѣть нѣсколько такихъ огней, мелькающихъ какъ звѣздочки въ разныхъ разспояніяхъ на гладкой, необозримой равнинѣ.

16. *Хуторъ*. Небольшая деревушка, часто одинъ домъ, стоящій среди поля или въ лѣсу, въ шпорѣ опъ жилыхъ мѣстъ. Обыкновенно почти таковыя хутора спроются при яругахъ, лѣсистыхъ оврагахъ, или подъ прикрышіемъ *тапыжника* (дробнолѣска).

17. *Курень*. Хижина или землянка, въ каковыхъ и понынѣ еще живутъ многіе Черноморскіе Казаки. Нѣсколько таковыхъ куреней состоятъ подъ вѣденіемъ *Куреннаго*, или спаршины, называемаго опъ начальства.

18. *Курганы.* Высокія землиныя насыпи, видмыя и нынѣ во многихъ мѣстахъ Малороссіи и Украины. Курганы сіи служили иногда общими могилами на мѣстахъ споль часпыхъ спибокъ, бывавшихъ у Малороссіянъ съ всегдашними ихъ врагами Ташарами, и во время опшорженія ихъ опъ Польши, съ Поляками; въ шаковыхъ курганахъ и понынѣ при разрытіи оныхъ находятъ коспи и волосы чедовѣческіе, недошлѣвшіе доскушки одеждъ, опломки орудій, спаринныя монешы, спкляницы и п. п. Иногда же цѣлый рядъ шаковыхъ кургановъ, идущій на далекое проспранство по одному направленію, подобно цѣпи горъ, служилъ какъ бы ведешами или подзорными возвышеніями, для наблюденія за неприяшедемъ. Таковыхъ кургановъ много можно видѣшь по древнимъ границамъ Малороссіи и Украины съ ордою Крымскою, особливо въ губерніяхъ Слободско-Украинской и Полшавской.

сокія земляныя насыпи, види-
гихъ мѣстахъ Малороссіи и
и сіи служили иногда общими
ахъ споль часпыхъ спибокъ,
ороссіянъ съ всегдашними ихъ
, и во время опшорженія ихъ
Поляками; въ шаковыхъ курга-
и разрышіи оныхъ находятъ
человѣческіе, недошлѣвшіе дос-
ломки орудій, спаринныя мо-
и ш. п. Иногда же цѣлый рядъ
въ , идущій на далекое про-
му направленію, подобно цѣпи
бы ведешами или подзорными
наблюденія за непріятелемъ.
въ много можно видѣшь по
тъ Малороссіи и Украины съ
особливо въ губерніяхъ Сло-
и Полшавской.

Colour Chart #13

Blue

Cyan

Green

Yellow

Red

Magenta

White

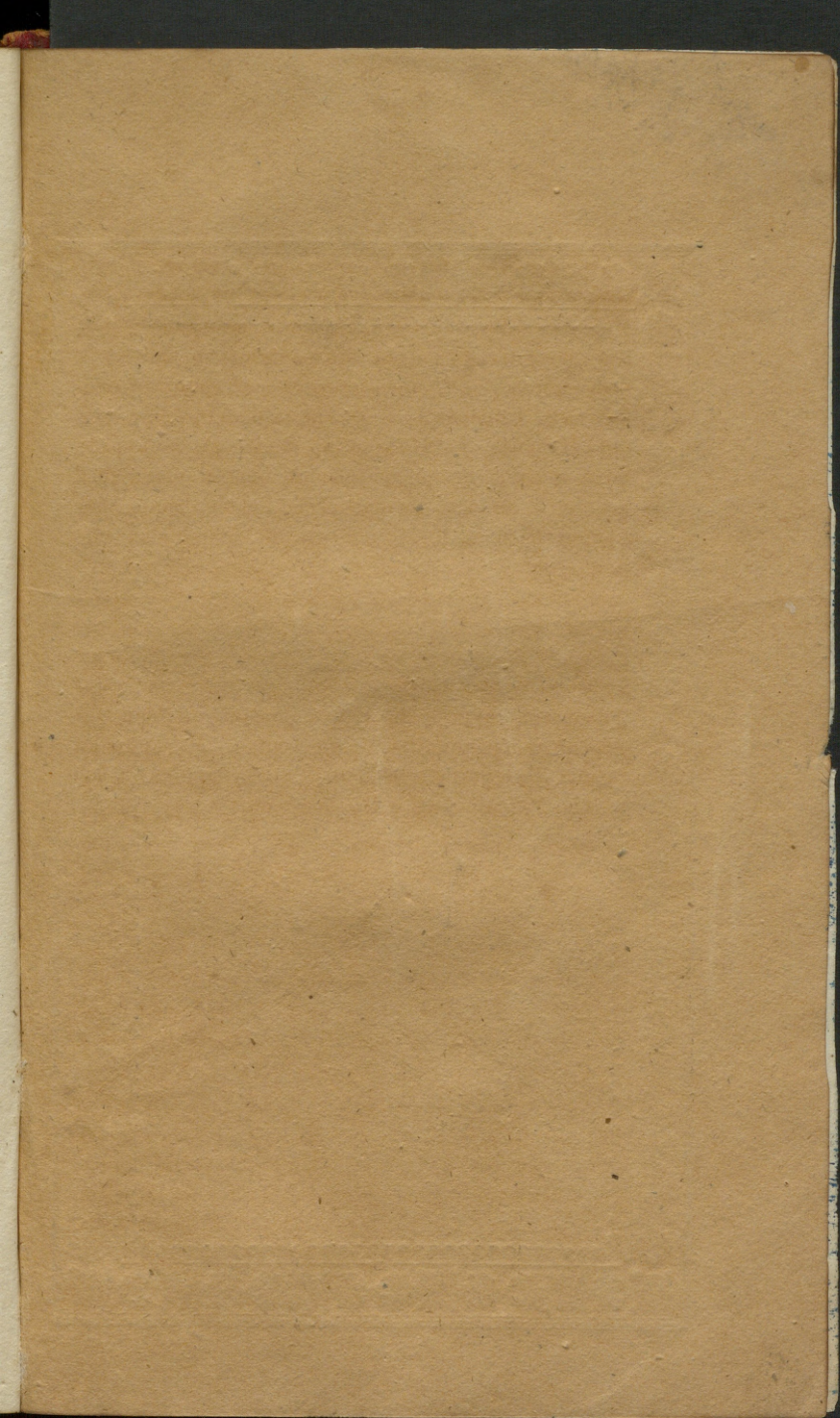
3/Color

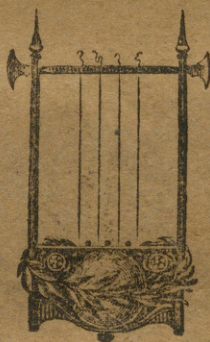
Black

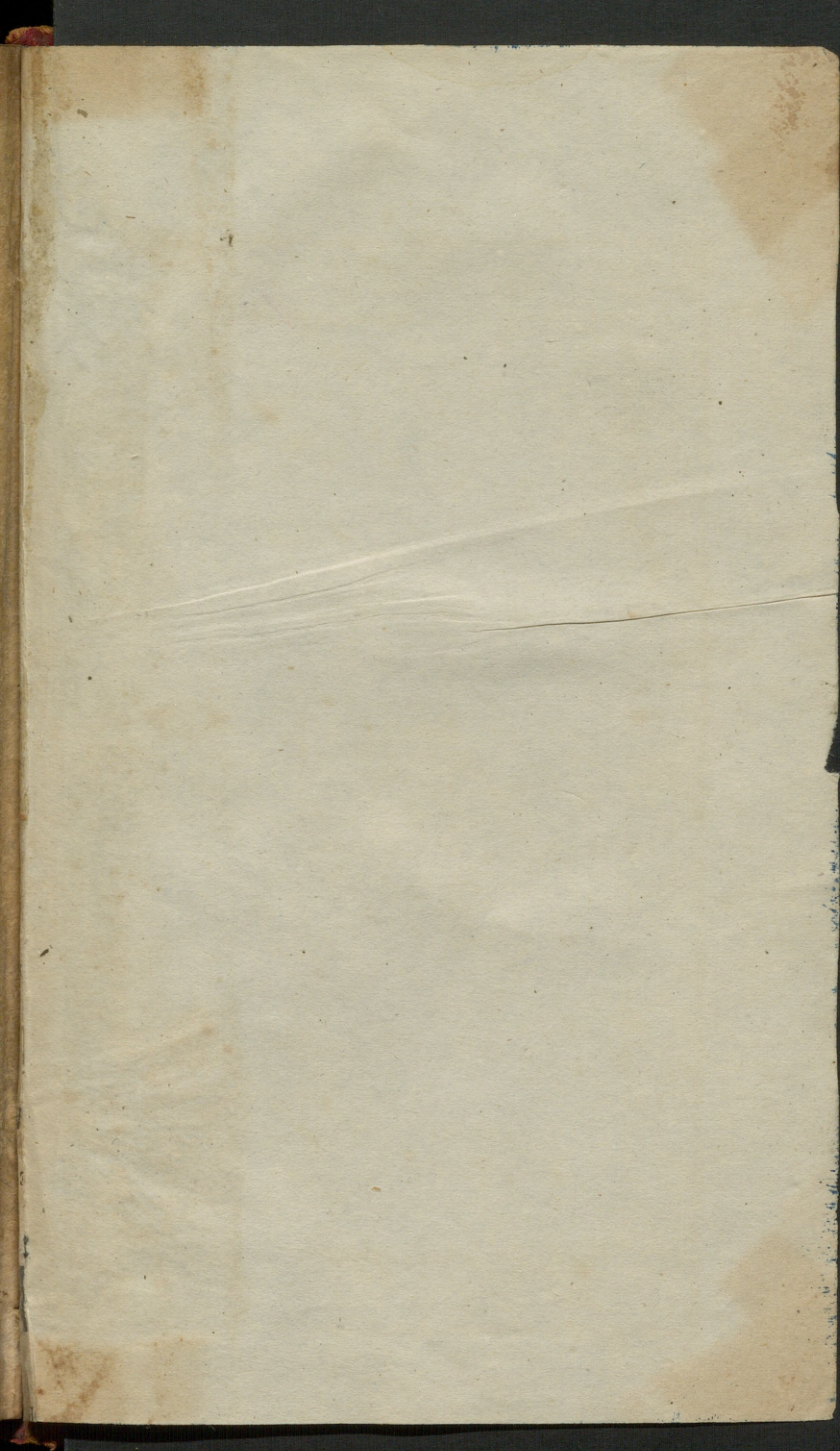
Centimetres

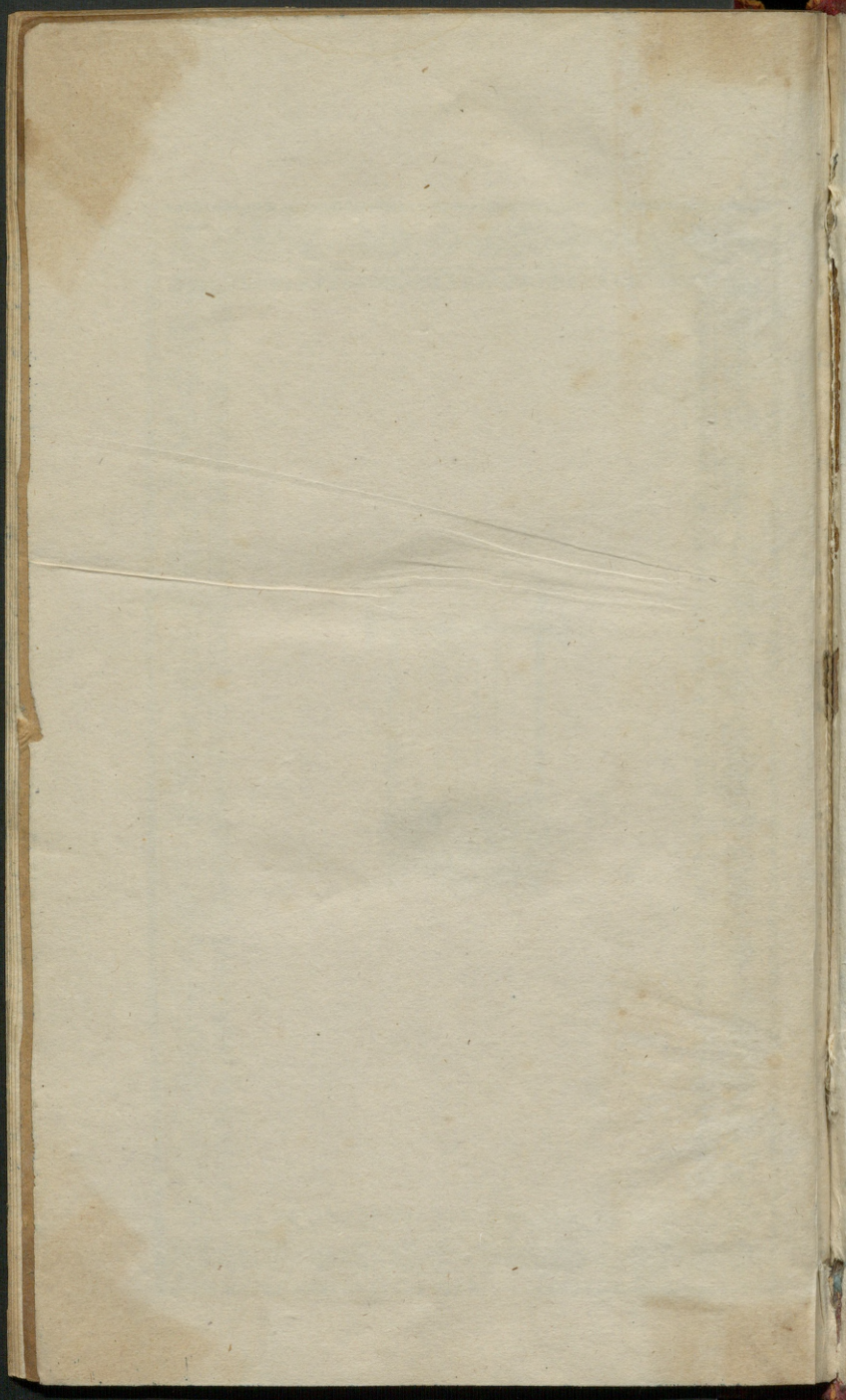
Inches

DANES
-PICTA
-COM

140x.

